ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 9 (2392) Суббота, 31 января 1948 г. Цена 40 коп.

Могучий рост культуры

В газетной хронике недели две назад можно было прочесть короткое сообщение о том, что состоялась конференция молодых ученых Сибири, на которой было заслушано 237 докладов, а в прениях выступало более 600 человек. В этой же хронике скупо, как о явлении обыденном, сообщалось также и о том, что в работе конференции приняли участие рабочие и колхозники.

Каменщик С. С. Максименко сделал сообщение «О поточно-конвейерном методе кладки», звеньевая колхозница М. И. Кострикина—«О методе получения высокого урожая в условиях Кулунды», другая звеньевая К. М. Кудрина сообщила о своем опыте получения высоких урожаев яровой пшеницы «альбидум 3700». Доклады эти получили высокую оценку конференции.

Другие короткие газетные информации, промелькнувшие недавно в хронике наших дней: знатный бурщик И. П. Янкин готовит в Свердловском горном институте дипломную работу по освоению одного из медных месторождений Красноуральской группы; девушки из комсомольского звена колхоза «Колос» приехали в Москву к академику Н. В. Цицину для того, чтобы посоветоваться с ним о дальнейшем повышении урожайности выведенных им сортов пшеницы.

Можно было бы напомнить и о многих других подобных примерах, но и сказанного достаточно для того, чтобы проиллюстрировать, насколько содержательна и многообразна жизнь простых советских людей, насколько богат их духовный мир.

Советский человек — новатор. Сочетание теории и практики стало для него насущной необходимостью.

«Советское общество, — сказал тов. М. А. Суслов в докладе «Идеи Ленина озаряют путь к коммунизму», — по праву может гордиться крупными достижениями в развитии культуры. В советской стране культурное строительство как по своему содержанию, так и по своему небывалому размаху является подлинно всенародным делом. «Нигде, — говорил Ленин, — народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас».

Великие идеи партии Ленина—Сталина вдохновляют наш народ на творческое созидание коммунизма. Советскому обществу чужды «механические граждане», равнодушно, безучастно взирающие на кипучую, полную исканий и стремлений всенародную деятельность. Кем бы ни был гражданин СССР — шахтером или академиком, солдатом или полководцем, рабочим или директором, — жизнь его неразрывно связана с жизнью всего народа, и его дело—частица общенародного дела. Его рабочее место—маленькая, но заветная пядь величайшего плацдарма, на котором мы ведем наступление в битве за коммунизм.

Патриоты социалистической державы стремятся к высокому совершенству в своей практической деятельности для того, чтобы скорее притти к намеченной цели. И вот, рабочий или колхозник идет за советом к академику, а академик идет на завод или в колхоз для того, чтобы поучиться у масс. Как у нас теория и практика становятся едиными и неразрывными, так социалистическая культура достигает тех высот, которые совершенно недоступны для буржуазной «культуры».

Буржуазная «культура», — это особенно отчетливо видно на примере Соединенных Штатов Америки, — служит империалистам для того, чтобы затемнить сознание трудящихся, одурманить простых людей реакционными идеями, осуществить агрессивные, преступные планы, направленные против интересов трудящихся. Понятно, что такая «культура» чужда и ненавистна для всего передового человечества. Социалистическая же культура пробуждает к жизни все лучшие, прогрессивные, творческие силы человечества.

Несколько дней назад закончился с'езд Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Это общество было создано в прошлом году для систематической и широкой работы по поднятию культуры трудящихся, для усиления работы по коммунистическому воспитанию советского народа.

Выступая перед широкой аудиторией, передовые люди науки и техники обогащают знаниями рядовых советских людей, а эти знания нужны им в борьбе за осуществление сталинских пятилеток. В процессе выполнения планов перед народом возникают все новые и новые задачи, культурные запросы масс растут, и это обязывает к тому, чтобы пропаганда политических и научных знаний была поднята на еще большую высоту.

Пропаганда политических и научных знаний должна быть боевой, воинственной, проникнута большевистской партийностью.

Велика роль в этом всенародном деле работников науки, техники, литературы и искусства. Большевистская принципиальность, пламенный советский патриотизм, страстность и воинственность в борьбе за новую культуру против современной растленной буржуазной, против всех видов и форм буржуазных влияний,— вот необходимые качества, которыми должны обладать наши идейные борцы.

«В борьбе против пережитков капитализма партия использует испытанное оружие критики и самокритики, направляя огонь общественного мнения на все отжившее, что тормозит наше движение вперед. В разоблачении и преодолении всяких проявлений буржуазного влияния в области идеологии огромную роль сыграли решения Центрального Комитета партии по вопросам литературы, искусства и кино, а также проведенная по инициативе ЦК партии философская дискуссия. Принятые партией меры по улучшению идеологической работы привели к новому под'ему литературы и искусства, к повышению идейного уровня художественного творчества» (М. А. Суслов).

Испытанное оружие критики и самокритики поможет нам и в дальнейшей борьбе за высокий идеологический уровень советской науки, советской литературы, советского искусства.

Волею партии в нашей стране пробуждены и направлены к единой цели все творческие силы народа, и советское общество вправе гордиться тем, что мастерами социалистической культуры становятся у нас миллионы передовых строителей коммунистического общества. Все шире становится культурный кругозор человека страны социализма, все более просветленным взором всматривается он в открывшиеся перед ним горизонты. И яркий неугасимый свет большевистской науки и большевистского искусства призван помочь ему отчетливее увидеть, быстрее и увереннее прокладывать кратчайшие пути к коммунизму.

Письмо министру

Уважаемый товарищ Ковалев!

Мне, как руководителю бригады писателей и журналистов, созданной Союзом советских писателей и «Литературной газетой», пришлось поработать на Камском целлюлозно-бумажном комбинате, изучить производство, познакомиться с его насущными нуждами. Мое письмо к Вам, товарищ Ковалев, будет посвящено изученному лично мной Камскому целлюлозно-бумажному комбинату, хотя положение на других комбинатах Молотовской области—Вишерском и Соликамском — в части перевозок такое же, как и на Камском.

Перед тем, как изложить основные претензии к Вам, товарищ министр, мне хотелось напомнить и Вам, и читателям нашей газеты значение Камского комбината.

Камский комбинат, детище сталинской пятилетки, был закончен и введен в эксплоатацию в 1936 году. Это монументальное, современное, механизированное предприятие, воздвигнутое волею партии в прикамской тайге. Камский комбинат — крупнейший поставщик отбеленной целлюлозы и типографской бумаги. 75 процентов самого распространенного сорта бумаги производится здесь. Все издания книг, идущих в широкие массы народа, печатаются на бумаге Камского комбината. И, кроме того, отсюда выходит 85 процентов всей тетрадной бумаги, производимой в СССР.

Не мешает напомнить эти общеизвестные факты еще раз, чтобы смежники, помогающие в порядке кооперирования работе этого комбината, прониклись уважительным отношением к нему. Чтобы и вы, железнодорожники, поняли всю свою ответственность за доставку во все части страны продукции камских целлюлозников и бумажников.

Почему об этом приходится говорить, напомнить, товарищ министр?

Потому, что отношение к комбинату со стороны работников железнодорожного транспорта вызывает серьезные опасения.

Чтобы не быть голословным, разрешите мне перейти к фактам. С Камского комбината не было вывезено на 1 января 1948 года 3.903 тонны бумаги — типографской, тетрадной, писчей, обложечной, мундштучной и оберточной, около восьми миллионов школьных тетрадей, 1.253 тысячи кружков телеграфной ленты, около семи миллионов конвертов. Целлюлозы, в которой, как в хлебе, нуждаются другие бумажные предприятия страны, не вывезено 1.897 тонн. Количество невывезенной продукции угрожающе растет, ибо январский, так называемый **ответственный**, план перевозок не выполняется.

Такое же положение на других уральских бумажных комбинатах. Там подвезено к конечно-погрузочным пунктам и ожидает милости железнодорожников около 800 вагонов бумаги и целлюлозы.

Наши бригады писателей и журналистов приехали на Камский комбинат, чтобы помочь увеличению производства бумаги, а оказалось, что производство бумаги приходится не увеличивать, а сокращать, ибо производственные площади завалены готовой продукцией, заводские корпуса перегружены, бумага и целлюлоза, столь необходимые стране, лежат огромными горами под снегом, в условиях переменчивой погоды, когда даже здесь, на Урале, мокрый снегопад зачастую перемежается с дождями. Если хотите, Иван Владимирович, мы продемонстрируем «монбланы» бумаги документальными снимками нашего фотокорреспондента тов. В. Темина. Мне тоже приходилось брать кирку и помогать скалывать лед на рулонах бумаги. Эти завалы продукции здесь носят название: «Во льдах Арктики».

Рабочие, инженеры и техники, выполняющие и перевыполняющие производственные задания, стремящиеся выполнить пятилетку в четыре года, непонимающе и удивленно смотрят на все увеличивающиеся горы продукции, вышедшей из-под их рук и лежащей без движения. И по вполне понятным причинам они спрашивают: в чем дело?

В чем же дело, товарищ Ковалев?

Надо сказать, что на Пермской железной дороге (начальник тов. Самохвалов), и даже среди некоторой части ответственных работников областных организаций, существует теория, якобы «об'ясняющая» безответственную работу транспорта.

Об'яснение такое: «Пермская дорога вынуждена только вывозить и мало привозить. Поэтому сокращено число вагонов, оборачивающихся в порядке естественного грузопотока. Сюда надо гнать порожняк. А как?»

По нашему мнению, подобная теория, бытующая в Молотовской области и на дороге, нетерпима в советской экономике, подчиненной строгому государственному плану. Эта теория демобилизует работников транспорта, заставляет их смотреть на свою работу, как на работу, подчиненную какому-то стихийному, случайному началу.

Ведь после обращения писателей к бумажникам личное Ваше вмешательство, товарищ министр, помогло довести почти до плана перевозки бумаги. А вот в дальнейшем, при ослаблении внимания, особенно в январе, погрузка падает.

Мы были свидетелями того, как за целые сутки не было подано ни одного вагона. Мы видели, как на другие сутки пришел какой-то один «заблудившийся» вагон. Мы наблюдали, как на третьи сутки пригнали несколько угольных и хлебных вертушек для перевозки бумаги внутри области.

Пермская железная дорога, кажется, смирилась с подобным положением. Но мы смириться не можем, товарищ Ковалев!

Чем об'яснить поведение железнодорожников, подающих под бумагу и целлюлозу некондиционные вагоны? Вместо обязательных крытых вагонов подаются либо платформы, либо неисправные вагоны.

Камский комбинат волею судьбы превратился в ремонтный цех Пермской дороги. Вам известно, что в 1947 году силами и средствами комбината было отремонтировано 1.894 крытых вагона и 235 платформ. Министерство путей сообщения, почувствовав безвыходное положение бумажников, превратило засылку в Краснокамск вагонов с разбитыми кузовами, без крыш, без дверей в узаконенную практику.

На комбинате говорят с горькой улыбкой: «Министр путей сообщения наградил нашего директора за ремонт вагонов почетным значком железнодорожника».

Да, Иван Владимирович, директор комбината привинтил к своему пиджаку Ваш значок, но этот значок никак не заменяет вагонов. Подача вагонов резко снизилась, уже и ремонтировать-то нечего.

Если Вам интересно выслушать оценку работниками комбината отношения к ним железнодорожного транспорта и связанное с этим положение на предприятии, могу процитировать выступление начальника отдела сбыта тов. Воронкова на совещании передовиков комбината, собранном по инициативе писательской бригады.

«Вы видели хаос, вызванный завалом продукции, — говорил Воронков, — все забито: и бумажные залы, и паккамера, и склады. Мы часто обсуждаем вопрос — выдержат ли перекрытия, не будет ли несчастья? А сколько продукции портится под открытым небом, в снегу?! Мы обили пороги в обкоме, завязали личную переписку с министром Иваном Владимировичем Ковалевым. Но распоряжения министра хронически и безнаказанно не выполняются Пермской железной дорогой... Портится результат работы многотысячного коллектива. Продукция разрушается, валяется по колчеданным складам, на воздухе... У нас 600 вагонов невывезенной бумаги, целлюлозы — продукции, которую рассматривают обычно чуть ли не в микроскоп, выискивая отдельные соринки. А эта продукция — целлюлоза — лежит под открытым небом, в снегу, лежит под густой копотью Закамской ТЭЦ, грязнится и приходит в конце концов в негодность».

Вот что говорил товарищ Воронков, заявив во всеуслышание на этом же совещании, что тов. Туниманов — директор комбината — был у Вас, заручился Вашим сочувствием, обещанием помочь, — обещанием, увы, невыполненным.

План перевозок называется во всех документах, которые были предоставлены нам, **ответственным**. Как квалифицировать ответственность плана, если он выполнен в 1947 году лишь на две трети? Недаром этому плану ходячее мнение присвоило название «безответственного». Ибо как иначе Вы, Иван Владимирович, назовете недодачу в 1947 году не много, не мало, а 3.211 вагонов только одному Камскому комбинату?

Нужны ли еще большие доказательства правоты людей, называющих ответственные планы безответственными?

Перед нашей промышленностью поставлена благородная и трудная патриотическая задача — выполнить пятилетку в четыре года. Эта задача поставлена самими рабочими и инженерами, и движение за выполнение пятилетки в четыре года охватывает все большие и большие круги. Бумажники — наиболее дерзновенная из них и дальновидная часть рабочих и инженеров — изыскивают сейчас материальные и творческие возможности выполнения пятилетки в четыре года. Передовики-производственники повышают скорости бумажных машин, снижают сроки варки целлюлозы, подготовки древесной массы. Так неужели железнодорожный транспорт, славные транспортники нашей державы, великолепно показавшие себя в период первых пятилеток и в годы войны, будут тормозить вдохновение и порыв творцов бумаги?

Бумага—могучее средство, помогающее воспитанию трудящихся, идущих победно к высотам коммунизма. И нужно помочь бумажникам добросовестно и аккуратно выполнять свои государственные плановые задания! Нужно сделать действительно ответственным план перевозок!

Советская общественность ждет Вашего ответа, товарищ министр!

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

КРАСНОКАМСК, январь 1948 года.

Издания „Манифеста Коммунистической партии“ на русском языке

Сто лет назад, в середине февраля 1848 года, вышел в свет в первом издании «Манифест Коммунистической партии» — гениальное творение основоположников научного коммунизма — Маркса и Энгельса. С тех пор «Манифест» стал самым распространенным произведением марксизма. Еще при жизни авторов он появился в 83 изданиях на 14 языках мира.

Первое русское издание «Манифеста» вышло в Женеве в конце 1869 года. В России это издание широкого распространения не получило. Однако отдельные экземпляры его дошли до подпольных революционных кружков. Второй перевод «Манифеста Коммунистической партии» сделан Г. В. Плехановым в 1882 году и вышел в Женеве со специальным предисловием Маркса и Энгельса, которые придавали русскому переводу большое значение. В этом предисловии говорится, что «Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе». Вслед за плехановским появился ряд новых переводов «Манифеста».

В 1891 году в Самаре молодой Ленин, изучавший марксистскую литературу в подлинниках, перевел «Манифест Коммунистической партии» на русский язык. Рукопись этого перевода читалась в самарских революционных кружках, но была уничтожена во время полицейских обысков.

За год до революции 1905 года в России появилось издание «Манифеста», выпущенное Центральным Комитетом РСДРП тиражом в 10 тысяч экземпляров. Это издание печаталось в Баку в нелегальной партийной типографии, которая была создана по указанию товарища Сталина в начале 1901 года и продолжала свою работу с перерывами до конца 1905 года.

В годы революционного под'ема, 1905—1907 гг., «Манифест» вышел в России в 19 изданиях. И хотя царская полиция и цензура повсюду подвергали эту книгу строгому запрету, она печаталась в нелегальных подпольных типографиях.

Особенно широкое распространение «Манифест Коммунистической партии» получил после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Только за один 1917 год он издавался 31 раз. Почти столько же изданий программного документа марксизма вышло за период с 1918 по 1923 год, причем отдельные тиражи его достигали 100—200 тысяч экземпляров.

С 1921 года вся работа по подготовке изданий классиков марксизма была сосредоточена в Институте Маркса — Энгельса. За период с 1923 по 1948 год выпущено 51 издание «Манифеста». Одновременно эта книга была переведена почти на все языки народов Советского Союза и к началу 1941 года вышла в 35 национальных изданиях.

К столетию со дня выхода «Манифеста» ИМЭЛ и Госполитиздат выпускают новые издания: массовое (тираж 200 тысяч экземпляров) и одновременно издание на двух языках — русском и немецком (тиражом в 15 тысяч экземпляров).

Праздник народного творчества

В Москву начинают с'езжаться участники заключительных концертов Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности. В сельских, районных, областных, краевых смотрах и в смотрах автономных республик, проходивших в течение всего 1947 года, приняли участие до 100.000 кружков самодеятельности. В столицу приглашены участники лучших коллективов — три тысячи человек.

Чрезвычайно широко будет представлено на заключительных концертах русское народное искусство во всем его многообразии: хоры — северные, волжские, рязанские, уральские; русские национальные инструменты — рожок, балалайка, волынка, гармонь, гусли. Кроме народных песен, большое место в репертуаре самодеятельности занимают песни советских композиторов.

Выступят ансамбли песни и пляски донских, кубанских, терских казаков, хоровые и танцовальные коллективы автономных республик Российской Федерации.

В Москву приезжают со всех концов страны сельские чтецы и декламаторы. В их репертуаре — произведения Пушкина, Лермонтова, Горького, Маяковского, современных советских писателей и поэтов.

Заключительные концерты Всероссийского смотра состоятся в первой половине февраля в больших залах столицы.

ЗАСЕДАНИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Информационное сообщение

о заседании Совета Союза

30 января 1948 года

30 января, в 2 часа дня, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоялось открытие четвертой сессии Совета Союза.

Председательствующий — Председатель Совета Союза депутат **Парфенов И. А.** предоставляет слово Председателю Мандатной комиссии депутату **Патоличеву Н. С.** для доклада о результатах проверки полномочий вновь избранных депутатов Совета Союза по шести избирательным округам, взамен выбывших.

По предложению депутата **Доронина П. И.** Совет Союза принимает следующее постановление:

«Заслушав доклад Мандатной комиссии, Совет Союза постановляет:

Утвердить доклад Мандатной комиссии о признании правильными полномочий депутатов Совета Союза, избранных 6 июля 1947 года по избирательным округам — Дмитриевскому № 201, Сталинскому второму № 466, Климовичскому № 535; 21 декабря 1947 года по избирательным округам—Ставропольскому № 81, Сталинскому первому № 465 и 18 января 1948 года по Елгавскому избирательному округу № 649».

Председатель Совета Союза депутат **Парфенов И. А.** сообщает, что на рассмотрение сессии вносятся следующие вопросы:

1. Утверждение Государственного бюджета СССР на 1948 год и отчета об исполнении Государственного бюджета СССР за 1946 год.

Вопрос вносится Советом Министров СССР.

2. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Вопрос вносится Президиумом Верховного Совета СССР.

Совет Союза по предложению депутата **Козлова В. И.** единогласно включает эти вопросы в порядок дня сессии.

Совет Союза по предложению депутата **Фирюбина Н. П.** принимает следующий порядок рассмотрения вопросов: доклад о Государственном бюджете СССР на 1948 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1946 год заслушать на совместном заседании Совета Национальностей и Совета Союза, а содоклады бюджетных комиссий, обсуждение бюджета и его утверждение провести раздельно по палатам; утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР провести раздельно по палатам.

На этом первое заседание Совета Союза закрывается.

Информационное сообщение

о заседании Совета Национальностей

30 января 1948 года

30 января, в 4 часа дня, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в Кремле, состоялось открытие четвертой сессии Совета Национальностей.

Председательствующий — Председатель Совета Национальностей депутат **Кузнецов В. В.** сообщает, что на рассмотрение сессии вносятся следующие вопросы:

1. Утверждение Государственного бюджета СССР на 1948 год и отчета об исполнении Государственного бюджета СССР за 1946 год.

Вопрос вносится Советом Министров СССР.

2. Утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Вопрос вносится Президиумом Верховного Совета СССР.

Совет Национальностей по предложению депутата **Шанхметова Ж.** единогласно включает эти вопросы в порядок дня сессии.

Совет Национальностей по предложению депутата **Лазутина П. Г.** принимает следующий порядок рассмотрения вопросов: доклад о Государственном бюджете СССР на 1948 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1946 год заслушать на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей, а содоклады бюджетных комиссий, обсуждение бюджета и его утверждение провести раздельно по палатам; утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР провести раздельно по палатам.

На этом первое заседание Совета Национальностей закрывается.

Богатство литературы народов СССР

Одним из наиболее убедительных и ярких показателей замечательного, не имеющего примера в мировой истории расцвета национальных культур в СССР является рождение и небывалый рост литературы и печати на национальных языках. Об этом убедительно говорят цифры, опубликованные в советской печати к 30-летней годовщине Октябрьской революции.

В самом деле, у нас были изданы книги на 119 языках, их общий тираж достигает астрономической цифры в 11 миллиардов. За один только прошлый год на Украине было выпущено свыше 43,2 миллиона книг, в Эстонии — 6 с половиной миллионов, а в Узбекистане свыше 5 с половиной миллионов. Каждая вторая или третья узбекская семья имеет книгу своего любимого советского поэта Гафура Гуляма, его стихи вышли в количестве больше четверти миллиона экземпляров.

Произведения народного белорусского поэта Янки Купалы читает почти весь белорусский народ. В какую же небывалую общественную силу вырастает при таких условиях литература?

Мы даже не совсем ясно представляем себе те гигантские масштабы, которые приняла революция, происшедшая в культурном развитии народов, населявших Россию. Так, например, по данным «Грузинской книги», изданной Книжной палатой перед войной в Тбилиси и содержащей библиографию всех произведений, вышедших на грузинском языке за триста лет до 1920 года, насчитывается 5.833 издания. Тираж книг редко превышал 500 экземпляров. А за последние 20 лет вышло свыше 40 тысяч грузинских книг тиражом во много десятков миллионов. Шота Руставели за советские годы издавался 44 раза тиражом свыше полумиллиона. Стихи Руставели и прежде всего «Витязь в тигровой шкуре» переведены на 15 языков СССР. Прекрасный грузинский поэт Важа Пшавела, которого до революции едва ли знало несколько сот грузинских читателей, издавался 40 раз тиражом свыше четверти миллиона.

Подобные удивительные цифры можно было бы привести в отношении всех народностей, населяющих Советский Союз.

И. В. Сталин говорил в 1925 году: «...Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие... И если дело идет о приобщении различных национальностей к пролетарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей».

Эти слова товарища Сталина получили полное историческое подтверждение во всем ходе дальнейшего развития советских народностей.

В развитии культуры и литературы народов СССР мы наблюдаем очень интересные процессы. В социалистическое строительство включились народности, стоявшие на различных ступенях социально экономического и культурного развития, еще сохранившие перед Октябрем не только феодальный, но даже и охотничий и кочевой уклады, как некоторые народности Сибири, Дальнего Севера. Поэтому наша советская литература — не только многонациональная, но и в известной мере разностадийная литература. Это значит, что отнюдь не всюду господствуют те формы, какие сложились, например, в наиболее развитых литературах, имеющих свои глубокие традиции — русской, украинской, грузинской, армянской, азербайджанской, белорусской, литературах прибалтийских республик.

Так, в целом ряде литератур прозаические произведения начали создаваться только в советские годы. Недаром бурят-монголы в письме к товарищу Сталину отмечали, как особое достижение своей литературы рождение в ней именно художественной прозы.

В Абхазии проза появилась только в тридцатых годах. Более 40 народов СССР вообще получили свою письменность только после Октябрьской революции. В советские годы начали издаваться книги на многих кавказских языках — лезгинском, татском, кабардинском, адыгейском, абазинском, курдском и др., на языках народностей Дальнего Севера и Сибири — мансийском, шорском, саамском, чукотском, ненецком, кетском, корякском, эскимосском, эвенском, эвенкийском, хантыйском и др. Почти полумиллионный народ коми, носивший до революции кличку зыряне, то-есть по-русски — «оттесненные», впервые после Октябрьской революции смог издать своего выдающегося писателя и образованнейшего человека, безвестного в царской России,— Ивана Куратова.

В формировании молодых литератур и языков многих советских народностей и племен громадную роль играют русский язык и великая русская литература, которая несет в себе огромное духовное богатство русского народа.

В Советском Союзе сформировались и живут полнокровной жизнью более сорока национальных литератур. Все они развиваются в тесном взаимодействии друг с другом, являя в целом необычайно богатую и красочную картину единого литературного развития множества разнообразных народов и племен. Это возможно только в стране социализма, и этого нет ни в какой другой стране на земном шаре. Для ученого, исследователя эти процессы перекрещивающихся влияний, формирования языков, литератур, идейного и морфологического воздействия русской литературы, русского языка не могут не представлять величайшего интереса.

Громадные области нашей страны в литературном отношении, в прошлом—во многом представляли собой белые пятна. «От молдаванина до финна на всех наречьях все молчат», — писал Шевченко в поэме «Кавказ». Горький, сравнивая советскую литературу с дореволюционной, говорил, что и в познавательном отношении прежняя русская литература была, так сказать, литературой Центрально Черноземной области. Эта мысль Горького часто цитируется, хотя автор этой статьи думает, что она содержит только часть истины. Нельзя забывать, что о многих народностях раньше, чем они сами заговорили в литературе на своих языках, заговорила русская литература: Пушкин, Герцен, Горький, Короленко, Чехов. Эту сторону русской литературы, всегда жившую глубоким сочувствием к угнетенным народам, мы должны помнить, потому что в ней видны зачатки той дружбы народов, которая сегодня составляет самое существо советской многонациональной литературы.

Советская власть опровергла высокопарные слова Фета: «К зырянам Тютчев не придет». Он пришел. Зыряне — «оттесненные» — перевели на свой язык Пушкина и Тютчева и даже «Жизнь Пушкина» Вересаева. Что бы сегодня сказал Фет, если бы узнал, что эскимосы издали на своем языке произведения Пушкина, что чукчи перевели и издали книжку Ляпидевского о спасении челюскинцев (кстати, ее перевели на свои языки многие северные народности), что в Сыктывкаре вышли на коми-языке «Русские люди» Симонова, и молодежь в школах читает произведения Гайдара, Кожевникова, Корнейчука, Панферова, Шолохова.

Перевод на русский язык, как известно, делает всякое национальное литературное произведение достоянием всесоюзного читателя, дает ему поистине новую жизнь. Только после Октября у нас выросла огромная по своему познавательному, идейному, воспитательному значению переводная литература с языков братских народов, выросли замечательные мастера художественного перевода.

Мы думаем, что все эти важнейшие по своему идейно политическому значению процессы в СССР можно было бы наглядно представить в виде литературной карты или атласа народов СССР.

На такую карту можно было бы нанести цифровые и, частично, именные данные о важнейших произведениях русской литературы, переведенных на данный язык, о книгах, переведенных на русский язык.

Хорошо бы эту карту или атлас снабдить об'яснительной брошюрой. Мы думаем, что инициативу создания литературной карты народов СССР должно взять на себя Министерство просвещения и его издательство Учпедгиз. Потребность в ней давно назрела не только в школах и вузах, но и у широкого читателя.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

МОСЛИ—БЕВИН

Е. ГАБРИЛОВИЧ

Среди друзей и соратников Освальда Мосли имеется некий Дж. Хэмм, который выступает на митингах не иначе, как закутавшись в британский национальный флаг, — он полагает, очевидно, что столь изысканный туалет является наиболее подходящим для английского фашиста. Сей Хэмм недавно сказал о Мосли:

— Человек из народа, скромный труженик, он, как никто, понимает исторические цели английского народа, которых и сам народ совершенно не понимает.

Кто же он, этот труженик? Где родился, как жил, как сошло на него столь вдохновенное озарение?

«Человек из народа» родился в семье крупнейших землевладельцев. Воспитывался в аристократическом закрытом колледже и в Сендхэрстском военном училище.

Начало его «трудовой жизни» относится к тому знаменательному моменту, когда отдал богу душу его титулованный дед, оставив внуку в наследство триста тысяч фунтов стерлингов, а также земельные владения стоимостью в миллион двести пятьдесят тысяч фунтов.

Скромный труженик Мосли в короткий срок умножил эти богатства. Он не брезговал ничем — ни ростовщичеством, ни чудовищной эксплоатацией фермеров-арендаторов, ни продажей и скупкой земель.

Параллельно коммерческой деятельности протекала политическая деятельность Мосли. Даже самые ярые из его нынешних сторонников не в состоянии приписать ему одного качества: твердости политических убеждений, верности своим политическим идеям.

Мосли сначала был консерватором. Потом был лейбористом. Потом стал «независимым левым». Потом «независимым правым». И, наконец, фашистом...

Другими словами, он побывал последовательно на всех кухнях и напрактиковался в изготовлении самых разнообразных политических блюд. Этот политический флюгер досконально, со всех сторон изучил машину, именуемую британской парламентской демократией, изучил не на торжественных церемониях и воскресных проповедях, а в темных, грязных и тайных закоулках, где царствуют подкуп, шантаж, политическое шулерство и где работают вдали от света главные машинисты.

Его политическая ловкость, та невозмутимость, которая позволяет проделывать с самым благопристойным видом самые неблагопристойные дела, обратила на себя внимание. В бытность свою лейбористом он сделался министром по делам герцогства Ланкастерского. По причинам, покрытым туманом, он был, однако, вынужден впоследствии вернуть министерский портфель, а также уйти из лейбористской партии.

Тогда-то и началось его хождение в «независимых» слева направо. Грустные дни, без всякой перспективы, без надежды даже на сколько-нибудь заметное интервью хотя бы в вечерней газете.

Но вот этот экс-лейборист с сотней тысяч фунтов годового дохода заметил по ту сторону пролива нечто, сразу привлекшее его внимание. Карьера Гитлера поразила его. Он увидел в ней перст указующий, путь к возобновлению политической деятельности, дорогу для еще одной политической перебежки. Он понимал, что дорога эта, пожалуй, несколько скандальна, но знал, что всё простят ему подлинные капитаны британского государственного корабля, если — при всей внешней эксцентричности — главная цель его будет совпадать с их главной целью: борьбой против действительной демократии, против действительных социальных преобразований и против коммунистов.

И вот в 1932 году Мосли основывает «Союз британских фашистов». В этом же году, провожаемый кинооператорами, радиокомментаторами и интервьюерами, он отбывает в Рим к Муссолини.

Здесь ждет его весьма теплая встреча. Муссолини потрясает английского пилигрима блеском своего великолепия. Вместе с «дуче», похожим в своем мундире с галунами и позументами на опереточного жандарма, Мосли взирает на парадные шествия костоломов и на спортивные празднества палачей.

В дальнейшем Мосли побывал в Берлине. Неизвестно точно, что особенно прельстило его — штурмовики ли, громящие неарийские магазины, застенки гестапо или костры из книг... Известно лишь, что сей «сын Альбиона» возвращается на родину самым пылким приверженцем Гитлера. Он перестраивает свою «партию» по немецкому образцу. «Британский союз фашистов» он переименовывает в «Союз фашистов и национал-социалистов».

Мосли начинает широкую деятельность в качестве ярого противника всего, на чем лежит хотя бы отблеск демократизма, в качестве непримиримого врага организаций рабочего класса. В его кассу рекой текут деньги, вносимые крупнейшими промышленниками, финансистами, представителями аристократии. Муссолини и Гитлер щедро финансируют его. Деятельность фашиста оказывается в Англии куда более выгодной, чем даже деятельность ростовщика и земельного спекулянта. Мосли прощается с коммерческими операциями по пустопорожним землям и целиком отдается политике.

Впоследствии в Мюнхене он женится на Диане Гиннесс — сестре личного друга Гитлера. Сам «фюрер» является одним из свидетелей на свадебной церемонии.

В это время Мосли находится в зените своей довоенной славы. Газетная группа Ротермира оказывает ему могущественную поддержку. Фашистские брошюры, отпечатанные в Германии на английском языке, распространяются в Англии молодчиками Мосли. Сам Мосли выступает на митингах и собраниях, оправдывая и восхваляя захват Гитлером государств Восточной Европы. Он заявляет, что английские фашисты откажутся принять участие в войне против Гитлера, если такая война возникнет.

Начинается война. Казалось бы, Мосли, этот явный фашист, платный агент Гитлера и Муссолини, потенциальный квислинг в случае высадки немцев в Англии, должен быть немедленно арестован, подвергнут строжайшему заключению. Именно этого требуют народные массы Англии. Но правительство арестовывает Мосли и его главных сподвижников лишь через девять месяцев после начала войны. Вернее, не арестовывает — интернирует. Он пребывает в заключении санаторного типа: изысканный стол, вина, заботливый уход. Только-только не выпускают официальных бюллетеней о его здоровье. Во всяком случае скорбные сообщения о его недугах регулярно появляются в газетах.

Это то, что американский журнал «Харперс мэгэзин» назвал «странной историей Мосли». Журнал говорит, что эта история об'ясняется, во-первых, наличием у Мосли многих тайных могущественных покровителей; и, во-вторых, тем, что английские государственные деятели бережно сохраняли его до лучших времен, дабы пустить в ход в качестве одного из орудий расправы с послевоенным революционным движением, которое неизбежно возникнет.

Но даже и такой санаторно-пенитенциарный режим представлялся коалиционному военному кабинету Англии и, в частности, его министру внутренних дел лейбористу Моррисону небезопасным для здоровья Мосли. При первой возможности, задолго до окончания войны, Мосли был выпущен на свободу.

Он оказался достаточно понятливым, чтобы отблагодарить своих избавителей должным образом: он пишет книгу, где проповедует крестовый поход против большевизма и «священную войну» против советской страны.

После поражения гитлеровской Германии Мосли некоторое время пребывает в тени. Он посещает политические обеды, дипломатические завтраки, аристократические чаепития, внюхиваясь в политическую атмосферу. Он выбирает: следует ли совершить еще одну политическую перебежку или же вновь возвратиться в лоно открытой фашистской веры. Он останавливается на последнем и, как мы увидим, имеет на то веские основания.

Свою послевоенную деятельность фашиста, восторженного поклонника повергнутых «фюрера» и «дуче», погромщика-антикоммуниста Мосли начинает не сразу. 15 декабря 1945 года он устраивает в одном из центральных отелей Лондона «семейный» танцовальный вечер. На вечер собираются восемьсот дюжих «танцоров»— тех, что составляли «гвардию Мосли» до войны. В промежутках между танго и фокстротами поклонники Терпсихоры клянутся в верности Мосли и в готовности итти за ним на любой дебош, резню, погром, членовредительство и убийство. Эти семейные хореографические упражнения и можно считать началом послевоенного оформления фашистской партии в Англии.

Широкие народные массы Англии возмущены. Бесчисленные резолюции рабочих, демократических, профсоюзных организаций требуют, чтобы правительство раздавило фашистскую гадину. Резолюции напоминают правительству о Ялте и Потсдаме, где Великобритания дала торжественное обещание, что нацизм и фашизм будут полностью уничтожены.

Не тут-то было! Правительство лейбористов не только не пресекает деятельности английских фашистов, но самым решительным образом охраняет ее. Констэбли министра внутренних дел Чатер Ида незамедлительно арестовывают каждого, кто пытается протестовать против фашистских митингов и организованных дебошей и помешать произнесению речей о том, что Гитлер был «гением нашей планеты», а война против нацистской Германии была «позорной ошибкой британской политики».

Тогда трудящиеся Англии сами берутся за дело. В печати все чаще и чаще начинают появляться сообщения о разгоне сборищ сторонников Мосли возмущенными слушателями. Вот одно из таких сообщений: «Полицейские подкрепления были вызваны в Гайд-парк, где толпа, слушавшая выступления сторонников Мосли, сломала трибуну и напала на оратора». В сообщении указывается, что полицейские подкрепления обрушились не на фашистов, а на тех, кто сорвал их митинг.

Убедившись в безнаказанности действий своих сторонников, Мосли решается выступить самолично. Первое выступление его обставлено весьма таинственно: приглашенные получают сначала один адрес, затем, прибыв на место,—второй и, наконец, в последний момент — третий. Все это путешествие они проделывают лишь для того, чтобы услышать от самого Мосли, что он враг демократии и что его «политические взгляды не изменились за время войны».

Впоследствии Мосли много раз повторяет все это уже без всякой таинственности, открыто. Деятельность его ширится, число выступлений растет. Полиция лейбористского правительства бережно охраняет не только его самого, но и его сторонников.

Почему? — спрашивают простые люди Англии, потерявшие своих близких в борьбе с фашизмом. Почему безнаказанно действуют Мосли и его молодчики? Почему секретарь английской лейбористской партии Морган Филиппс, приказавший начать гонения на коммунистов, как бы не видит, что под его носом растут взводы, роты, полки гитлеровских штурмовиков? Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно просмотреть брошюры, статьи и стенограммы речей Мосли.

Его выступления всегда распадаются на два раздела. В первом разделе он весьма точно имитирует вопли и визги довоенной геббельсовской пропаганды. Но вот вопли отходят на задний план: начинается новый раздел. Понемногу, как из мглы, вырисовываются знакомые контуры. Мосли призывает к созданию антисоветского западного блока и к использованию атомной бомбы для «предотвращения успехов коммунизма». Дальше — больше, яснее. Он говорит, что Америка призвана спасти Европу от коммунистов, что Соединенные Штаты противостоят Советскому Союзу, охраняя остатки цивилизации, что Западной Европе следует вместе с Америкой спасти континент от славяно-монголов, что все силы должны быть устремлены на то, чтобы заставить страны Восточной Европы итти в фарватере англо-американской экономики и политики, что Америка — это мессия, американская атомная бомба — друг и спаситель, американская военная мощь — единственная конструктивная сила на земле.

Да ведь это все то, о чем шумят в сенатских комиссиях, пишут и говорят сторонники «плана Маршалла». Мосли начинает свои выступления, как Гитлер, а кончает их, как Даллес, как Ванденберг, как Бевин.

Анализируя выступления Мосли, видишь, что этот «фюрер» английских фашистов преданный и верный агент американских империалистов, тщательно выполняющий все их указания и распоряжения. Черчилль, Эттли, Бевин и Мосли — слуги одной фирмы, одного хозяина, но разного назначения.

Вот почему констэбли Чатер Ида охраняют Освальда Мосли. Да, Мосли не просчитался, когда полагал, что при лейбористах в Англии можно безнаказанно об'явить себя не только приверженцем Гитлера, но даже самим Гитлером, лишь бы следовать заатлантическим директивам!

Весть о возрождении открытой гитлеровской партии в Англии вызвала новую бурю общественного возмущения. Но лейбористское правительство верно служит американским хозяевам. Мосли попрежнему безнаказанно действует. Уже как вожак официально об'явившей о своем существовании фашистской партии, он заявляет, что его партия продолжит «миссию Гитлера». Попрежнему текут в кассу Мосли немалые средства. Однако, главный источник материальной поддержки переместился. Раньше он находился за морем, у Гитлера. Теперь он находится за океаном, у Трумэна; это та же касса, которая финансирует Бевина. Между ними — Мосли и Бевином, — уже нет разницы. Приверженцы Мосли выступают с речами, драпируясь в британский флаг. Но по сути дела они имеют полное право драпироваться, так же, как и Бевин, в звездный флаг трумэновской Америки.

Рис. МОА.

Поджигательная речь

Факты без комментариев

«РАЗВЕНЧАННЫЙ» БАЙРОН

Английская газета «Дейли уоркер» сообщает о выходе на экран фильма под оскорбительно-вульгарным названием: «Гадкий лорд Байрон». Как подчеркивает газета, фильм предназначен для экспорта в Америку и полон выпадов против великого английского поэта, принимавшего, как известно, в свое время участие в освободительной борьбе греческого народа.

ВЛАСТЬ ТЬМЫ

Среди вышедших за последнее время во Франции книг легко обнаружить книги с «ночными» названиями: «Признания девушки ночи», «Бог является ночью», «Творение ночи», «Ночная поэма», «Полуночная молитва», «Гневные ночи» и, наконец, «Ночные леса». «Французская литература сделалась жертвой мрака. Наша послевоенная действительность темна, как ночь», — сокрушенно подчеркивает французский еженедельник «Юн семэн дан ле монд».

Неудивительно, что Французская академия изящных искусств сочла необходимым в срочном порядке организовать конкурс на лучшее поэтическое произведение, обязательной темой которого является «Свет».

СПЕКУЛЯНТЫ ИЗ ВАТИКАНА

Американские военные власти после эвакуации войск из Италии оставили представителям Ватикана немалое количество продовольствия. Получив его, согласно приказу из Вашингтона, по очень низким ценам, спекулянты в сутанах занялись перепродажей продуктов населению и, как сообщает «Аксьон», заработали на этом 3 миллиарда лир.

АМЕРИКАНСКИЕ ГАУЛЕЙТЕРЫ И ИХ ШВЕДСКИЕ ЛАКЕИ

С. МАКСИМОВ

В последние десятилетия шведская реакция неоднократно проявляла откровенную склонность к участию в любой авантюре, направленной против великого восточного соседа Швеции, не смущаясь тем, что все ее расчеты, как правило, заканчивались провалом.

Политическая слепота шведской реакции унаследована ею еще со времен сословной монархии, когда ненависть к русским считалась проявлением «высшей государственной мудрости». Август Стриндберг любил поиздеваться над самонадеянными шведскими милитаристами, которые, опоясавшись мечом Карла XII, отравляли сознание народа ядом злобы к «москалям».

В наши дни духовными наследниками отживших аристократических классов являются промышленные и финансовые магнаты Валленберги, Крейгеры и Веннер-Грены. Они встречают аплодисментами излияния нового посланника США в Швеции Мэттьюса, который для начала своей деятельности в Стокгольме в публичном выступлении 14 января на собрании «Шведской торговой палаты для Америки» рекомендовал шведам помнить об атомной бомбе и быть готовыми «к защите тех принципов, которые священны для американцев».

В истории советско-шведских отношений, пожалуй, никогда еще не велась столь разнузданная кампания против СССР, как в наши дни безраздельного господства американских концернов над шведским печатным словом.

Каждый шведский концерн и банк имеет свою прессу и оказывает зачастую решающее влияние на официальную политику правительства. Голос одного из авторов плана «дауэсизации» Германии и компаньона Морганов — Валленберга, раздавшийся на каком-нибудь семейном обеде, часто привлекает больше внимания соответствующих кругов, чем правительственные декларации.

Контролируемая династией Валленбергов «Дагенс нюхетер» по команде из США повела злостную кампанию за саботаж советско-шведского торгового и кредитного соглашения, хотя оно и было единогласно одобрено риксдагом. Эта газета во всеуслышание предлагает, чтобы Швеция для предстоящих военных операций против СССР держала двери открытыми настежь на случай высадки американских войск.

Другой финансовой династии — Крейгерам принадлежат газеты «Стокгольмс тиднинген» и «Афтонбладет», еще недавно рьяно защищавшие Гитлера. Эти листки подражают сейчас разнузданным клеветникам из херстовских газет с таким же усердием, с каким они не так давно играли роль геббельсовского рупора в Стокгольме.

«Афтонбладет» во всех подробностях расписывает «предстоящий захват северной Финляндии» советскими войсками, а «Стокгольмс тиднинген» умудряется обнаружить «скрытые советские аэродромы в финских лесах». Норвежцев эта газета пугает «лихорадочным укреплением советской северной границы». На поприще антисоветской клеветы особенно усердно подвизается некий «Билли» — старый завсегдатай международных разведок, представлявший под именем Мюллерна крейгеровскую газету в ставке Гитлера. Нужды нет, что норвежцы самым решительным образом опровергают провокационные вымыслы разных «Билли». Не обескураживает «Стокгольмс тиднинген» и то, что возмущенная общественность Финляндии демонстративно приглашает шведских журналистов посетить те места, где якобы расположены «тайные советские аэродромы» и «школы, превращенные в казармы».

В этом раздувании антисоветской истерии принимает весьма активное участие и «социалистическая» печать. Редактор «социалистической» газеты «Эребру-курирен» Окерберг, заворачивающий делами и на шведском радио, запальчиво и возмущенно называет редактора «Дагенс нюхетер» Тингстена «лжецом» в ответ на его донос американским покровителям о том, что шведские эсдеки якобы «вяло борются с коммунизмом». У Окерберга и доказательства солидные. Ведь пригласили же шведские социалисты на гастроли Шумахера и предоставили ему трибуну для самых гнусных выпадов против Советского Союза. Да и он сам, Окерберг, выписал из Норвегии вечно пьяного «фюрера» норвежской богемы Арнульфа Эверланда для клеветнических радиоупражнений против СССР. Конечно, Тингстен — стопроцентный лжец, если он позволяет себе возводить такую напраслину на социал-демократов...

Официоз шведской социал-демократии «Моргон тиднинген», сбросив маску притворного сочувствия Советскому Союзу, также сумел реабилитироваться перед американской агентурой в Швеции. Был у него корреспондент в Москве, некий Лундберг. В своих статьях он неизменно восхвалял Советский Союз. Когда же этот борзописец покинул пределы СССР, он не замедлил об'явить, что его прежние статьи были только камуфляжем. Теперь он втридорога продает свои антисоветские статейки реакционным газетам в Скандинавии и в Америке.

Широкие круги шведской общественности неплохо разбираются в том, какие пружины двигают в Швеции марионетками Уолл-стрит. Популярная писательница Хельга Мартинсон (Моа) называет подлецами и клеветниками адвокатов американских монополий. «Тот, кто не ослеплен ненавистью, должен преклониться перед мужеством русских и их культурой»,—подчеркивает она в одном из своих выступлений в печати.

Известный писатель Фридегорд в ответ на злобную кампанию «Дагенс нюхетер» против 34 шведских литераторов, отправивших в связи с 30-летием Октября приветствие Советскому Союзу, высказывает аналогичную мысль: «Шведская комиссия по расследованию антиамериканской деятельности в нашем собственном доме не может запретить мне сочувствовать благородству советского народа, спасшего мир от фашистского варварства. Мне никто никогда не запретит восторгаться русской литературой, которая была и есть одна из величайших радостей в моей жизни».

«Неужели вам, называющим себя социалистами, не стыдно поносить величайшую революцию в истории человечества?» — возмущенно спрашивает известная общественная деятельница Эльза Линдгреп руководителей газеты «Моргон тиднинген».

Группа известных шведских артистов, режиссеров и других представителей интеллигенции решила непосредственно обратиться к вдохновителям всей этой разнузданной кампании в Швеции. В письме, адресованном американскому посольству в Стокгольме, они протестуют против «нового образа мышления в Америке, который напоминает тот туман, каким Гитлер в свое время окутал Германию». Рабочие клубы в Горда, Гетеборге и других промышленных центрах Швеции призывают трудящихся бойкотировать газеты и бульварные журналы, отравляющие сознание народных масс страны этим неогитлеровским туманом из-за океана. Критик и обозреватель массовой газеты «Афтон тиднинген» Джемс Рессель призывает к борьбе с разгулом шведской реакции: «Противодействовать ей можно, — пишет он, — путем установления взаимного контакта, особенно в области литературы».

Таков трезвый голос прогрессивной шведской общественности.

Если собрать воедино все те статьи, лекции, книги, фильмы, с помощью которых шведская реакция старается извратить правду о СССР, то окажется, что Уолл-стрит усердно старается превратить Швецию не только в одного из основных покупателей американских чулок из нейлона и калифорнийских фруктов, но и в одного из главных потребителей «американской идеологии».

Де Голль—это война!

Письмо из Франции

Только на-днях (с большим опозданием) мы прочитали в Париже статью о генерале де Голле, напечатанную в «Литературной газете». К точной и убедительной характеристике, которая была дана де Голлю автором статьи, мне хотелось бы кое-что добавить.

Я вспоминаю период, когда де Голль приезжал в Москву для того, чтобы заключить договор между Францией и Советским Союзом.

Генерал де Голль прибыл в Москву 2 декабря 1944 года. Он остановился во французском посольстве, где ему было приготовлено помещение. На следующий же день, который пришелся на воскресенье, он в сопровождении всей своей свиты отправился в церковь св. Людовика. Здесь американский священник Браун, обслуживающий этот французский приход, отслужил торжественную мессу, во время которой воздал де Голлю почести, обычно воздаваемые католической церковью «главам христианских государств». Отец Браун преподнес генералу евангелие для облобызания и воскурил перед ним фимиам. Это было сделано на глазах у всего дипломатического корпуса.

Такое начало, отдающее средневековьем, неприятно поразило. Вообще было известно, что генерал является ревностным католиком. В том, что он ходил почти ежедневно в церковь и молился там, никто не видел, разумеется, ничего особенного. Но полагали все же, что четвертая республика должна быть светским государством и генерал де Голль покажет себя в первую очередь как светский глава светского государства. И не одни французы думали таким образом.

Странная атмосфера, которую принесли с собой де Голль и его окружение, не замедлила дать себя почувствовать. Генерал де Голль не проявлял ни дружбы, ни уважения, ни даже любопытства к стране и народу, с которыми он намеревался заключить договор. Пакт для де Голля был лишь ходом на шахматной доске его личной политики.

Бидо был не более любознателен, чем де Голль. Другие лица, разные Бюрэны, Розье, Фалезы, Сейду, Ги де Шарбоньеры,—вся эта свора типичных для довоенного Кэ д'Орсэ * ветрогонов, не стесняясь, подчеркивала свое враждебное отношение к советской стране. Единственным исключением в этой среде был Роже Гарро, представитель временного французского правительства в СССР, горячий сторонник франко-советского союза и дружбы. Его имя уже давно внесли в разряд «ставленников Москвы» и обвиняли его в том, что он «интригует с русскими».

В окружении генерала де Голля не скрывали того, чего, впрочем, и сам он почти не скрывал, а именно, что заключение договора не имеет целью укрепить узы, связывающие французский и советский народы. Дело прежде всего касалось укрепления личных позиций генерала де Голля как во Франции, так и за границей. Пакт позволил бы ему говорить, как равному с равным, с главами англо-саксонских государств.

Дело шло также о том, чтобы, согласно политике, настойчиво проводимой г-м Бидо, добиться левого берега Рейна и расчленения Германии. «Мы приехали из-за Рейнской области», — сказал генерал одному из своих приближенных, давая понять, что без этого — договора «не будет». Однако все знали, что СССР занял твердую позицию против расчленения Германии.

В глубине души де Голль видел в пакте также средство «заткнуть рот французским коммунистам и другим демократическим элементам», недовольным его диктаторскими замашками и многими его явными и тайными намерениями. Генерал полагал, что, подписывая пакт, он тем самым становился «творцом» неопровержимо демократического документа, дающего ему право метать громы и молнии против своих противников, которых он считал уже исключенными из французской нации. Таким образом, де Голль старался превратить этот пакт еще до его заключения в антидемократическое орудие.

Мы попытались восстановить некоторые обстоятельства, при которых происходили переговоры и заключение франко-советского пакта. Это помогает нам установить пагубную последовательность реакционной политики во Франции, символом и вдохновителем которой ныне открыто стал генерал де Голль. Путь, по которому следует де Голль, привел его к позициям Лаваля. Оба они считали франко-советский пакт «грубой хитростью». Но в 1947—1948 годах де Голль скомпрометировал себя больше, чем когда-то Лаваль, и пошел дальше, чем тот после Мюнхена...

Де Голль уже предложил свою шпагу г-ну Маршаллу через посредство г-на Даллеса. Он хочет сделаться «борцом плана Маршалла», добиться, так сказать, производства в чин генералиссимуса «западных сил» в войне между Западом и Востоком, которую он предвидит и которой жаждет... Повидимому, он считает, что 40 французских дивизий, сформированных по американскому образцу и экипированных американцами, составят ядро новой «великой армии», предназначенной для того, чтобы итти по следам наполеоновских легионов и гитлеровских орд... и с еще меньшим успехом...

Обычно те, кто платит, не имеют привычки выходить на передние линии, где можно получить удар. Более вероятно, что 40 французских дивизий, которых требует генерал де Голль, сыграют роль американского иностранного легиона и будут выставлены вперед в один ряд с другим иностранным легионом, состоящим из немецких фашистов. Если их не решатся использовать против СССР, то они будут служить для поддержания «западного порядка» во Франции и Западной Германии.

Никто не решится доказывать, что де Голль непоследователен в своих мыслях. Он давно проповедывал, что в случае конфликта между Западом и Востоком, то-есть между англо-саксонскими державами и СССР, Франция должна присоединиться к англо-саксам. Теперь де Голль обратился с публичным призывом к поджигателям войны как во Франции, так и за границей, и высказал желание сделаться их вожаком. Он совершенно открыто стал в первые ряды поджигателей войны.

Образование западного блока должно было бы очень устроить поджигателей войны. Бевин и Шуман предложили заключить политический, экономический и военный пакт между Великобританией, Францией, Бельгией, Голландией и Люксембургом. В дальнейшем пакт должен, по замыслу его сторонников, распространиться на Италию, Западную Германию, Испанию.

При данной международной обстановке, после недавнего выступления г-на Бевина, полного нападок и неприкрытых угроз по адресу СССР, значение этого последнего демарша английской и французской дипломатии совершенно ясно. В политическом и военном отношении он направлен в первую очередь против СССР.

С точки зрения франко-советских отношений, этот проект Бевина указывает на стремление французского правительства вовлечь свою страну во враждебную СССР комбинацию, явно нарушающую франко-советский договор. Согласно этому проекту, должно начаться формирование «европейской» армии, которой генерал де Голль весьма непрочь командовать в предстоящей войне против СССР.

Но теперь народы уже не так легко обмануть. К счастью, мы, французы, не столь легковерны и мы еще поборемся за нашу свободу и нашу жизнь.

Жак ле ЖАК

ПАРИЖ.

* Улица в Париже, на которой находится министерство иностранных дел.

В этом году в Магнитогорске начнется строительство здания Горно-металлургического института. Автор проекта—П. И. Бронников, соавторы — П. П. Кузнецов и Е. С. Будник. В новом институте будут обучаться 1.800 студентов. Здание состоит из пяти соединенных между собой учебных корпусов, трех лабораторных корпусов и общежитий. Фасад главного здания — 18-колонный портик, над которым возвышается стеклянный купол. Купол этот, как и 80-метровая башня, увенчанная золоченой иглой, будут видны со всей территории города.

НА СНИМКЕ: эскизный проект Магнитогорского горно-металлургического института.

Л. СКОРИНО

Новаторы науки

«Законы жизни» А. Поповского — это повествование о творцах науки, ученых нового советского типа. В книгу вошли повести об исследованиях и открытиях крупнейшего физиолога мира И. П. Павлова («Временные связи»), о его ученике и последователе К. М. Быкове («Механизмы сознания»), об авторе теории «митогенетического излучения» А. Г. Гурвиче («Излучение жизни»), о деятельности известного паразитолога Е. Н. Павловского («Вдохновенные искатели») и, наконец, о трудах хирурга А. В. Вишневского («Во имя человека»).

В судьбах героев книги осуществляется одна из закономерностей нашей жизни — торжество революционной творческой мысли над рутиной, косностью, покоем. В реальных делах современников перед читателем раскрывается картина неустанного под'ема и расцвета советской культуры.

Книга А. Поповского позволяет говорить о жанровых особенностях советской биографической повести, делающих ее принципиально отличной от западных образцов. На Западе биографический роман или повесть о художниках или ученых обычно бывает трех типов.

Первый — это сугубо личная, интимная, «частная» жизнь героя, оторванная от его труда. Главное — тайны алькова, выискивание низменных сторон великого человека. Таковы хотя бы романы Моруа.

Биографическая повесть второго типа показывает трагедию творца, вступающего в непримиримый конфликт со средой, с враждебным ему социальным окружением.

Третий тип — оптимистическое, «розовое» повествование об удачливом ученом-дельце, ловко делающем свой бизнес. Примером такого типа биографий может служить книга «Роберт Вильямс Вуд», принадлежащая перу американского писателя Вильяма Сибрука, которая вышла в 1946 году и была незаслуженно превознесена нашей критикой. Написанная с журналистской живостью, книга эта, однако, уводит от главного — от творческого дела героя — известного физика. Дело это размельчено и предстает перед читателем, как цепь забавных шуток и чудачеств Вуда, а также его удачных практических дел, дававших ученому рекламу и деньги.

Советский писатель А. Поповский в своем повествовании на первый план выдвигает **научную деятельность героя.** В «Законах жизни» речь идет не о житейском преуспеянии ученых, а о радостях и муках их труда. Автор заставляет читателя вместе с героем итти к обнаружению истины, искать, ошибаться, преодолевать препятствия, делать открытия. Переходя от одной повести к другой, читатель видит, как расширяются границы познанного мира.

И. П. Павлов устанавливает закономерности высшей нервной деятельности. К. М. Быков — ученик Павлова, продолжая наступление, еще дальше вторгается в область подсознательного, в область инстинктов и доказывает, что нет автономных внутренних органов, чья деятельность протекала бы вне нашего сознания, по собственным законам. А. Г. Гурвич ставит своей задачей обнаружить причины, вызывающие возникновение новой жизни. Он открывает лучистую энергию, способствующую делению, размножению клетки.

В книге А. Поповского читатель не найдет **новаторов-одиночек,** столь традиционных для западной биографической повести. Герои «Законов жизни» показаны советским писателем в научном коллективе, в среде подобных им «вдохновенных искателей». В лаборатории И. П. Павлова формируется как ученый К. М. Быков. «Можно было ожидать, — пишет А. Поповский, — что между склонным к «нервизму» учителем и увлеченным «химизмом» учеником возникнут нелады. Но не такой была школа, в ней каждый находил себе место».

Творческая среда советских ученых показана и в других повестях. Окруженные талантливыми последователями, предстают все герои «Законов жизни».

В книге показано, как расширяется в нашей стране понятие творческой среды. Рассказывая об известном паразитологе Е. Павловском, Поповский пишет: «Павловским овладела неспокойная мысль: он должен обследовать границы распространения злополучного клеща — переносчика возвратного тифа... Такой огромной работы ему одному не проделать, он привлечет к себе в помощь других... В любой точке республики он встретит готовую форму организации — коллективы специалистов». Советский ученый не одинок в своих творческих исканиях, в своей деятельности, ибо он связан с народом — об этом говорит книга А. Поповского.

Она показывает также, что развитие науки осуществляется путем непримиримой идейной борьбы. Великий Павлов, «старейшина физиологов мира», утверждал учение об условных рефлексах вопреки консерваторам, об'являвшим рефлексы «схоластикой, ничего общего с наукой не имеющей». Английский ученый Шеррингтон предостерегал Павлова: «Ваши условные рефлексы едва ли будут иметь в Англии успех. Они пахнут материализмом». Но материалистическое учение Павлова прошло по всем странам мира, произведя настоящую революцию в науке.

Хирург Вишневский ввел новые методы обработки ран, бесстрашно ниспровергнув заграничные авторитеты. В хирургии господствовала рутина, врачи обрабатывали раны «по Фридриху», не решаясь отступить от старого метода, практически себя не оправдавшего, установленного еще в конце прошлого века педантичным немцем. Последователи Фридриха дружно восстали против новатора Вишневского. Но все же победил его принцип. «В войне с белофиннами и в Отечественной войне 1941—1945 годов с иссечением ран «по Фридриху», — говорит А. Поповский,—и зашиванием их было покончено навсегда».

Правильно наметив основные линии изображения героев, А. Поповский, однако, не всегда их придерживается и использует далеко не все художественные возможности, подсказываемые самим жизненным материалом. Своего героя А. Поповский изображает почти исключительно в стенах лаборатории. Нет сомнений, особенности жанра требуют сосредоточения внимания на исследовательской работе героя. Но такое научное «затворничество» противоречит действительности и обедняет образы советских ученых. Герои А. Поповского в жизни ведут многообразную деятельность, их научно-исследовательская работа тесно сплетается с общественной. Характерно, что там, где писатель дает волю своим героям, они предстают как полноценные об'емные образы. Именно потому удались А. Поповскому его «вдохновенные искатели» и не удался образ А. Г. Гурвича, чья общественная деятельность осталась за пределами повести.

В этом замыкании героя в пределах лаборатории сказалось увлечение автора новизной и необычностью разрабатываемого им материала. Но писатель обязан был противостоять его давлению, а это А. Поповскому часто не удается. Отсюда и второй недостаток его книги: писатель неправомерно перегружает повествование изложением научных теорий. Человек растворяется в избранном им деле, кое-где оно почти совсем вытесняет героя со страниц повести. Это прежде всего относится к образу Быкова, рассказ о котором отягощен отступлениями в историю науки.

Историко-научный материал автором литературно не опосредствован, в ткань беллетристического повествования вклиниваются чисто справочные отступления. Повести А. Поповского перегружены историко-научными реминисценциями, афоризмами, высказываниями ученых прошлого и громоздкими авторскими отступлениями. Говоря о своих героях, А. Поповский считает необходимым из'ясняться с тяжеловесной пышностью. «Сменялись тысячелетия, гений исследования уходил глубже и глубже в тайну природы», — пишет он в повести об А. Г. Гурвиче. И в другом месте: «В пламени, где сгорают чужие ошибки, закаляются их собственная теория и принципы» («Механизмы сознания»). Или в повести, посвященной И. П. Павлову, автор восклицает: «Итак, человеческая хирургия на помощь физиологии! Возможно ли придумать нечто более смешное: хирургия, рожденная в благоговейной тиши пагод и храмов, воспитанная под звуки молитв и прорицаний,— в роли прислужницы собаки!» Эти отступления и псевдокрасоты являются излишними. Они противоречат общему простому и деловому тону повествования.

Все высказанные упреки не снижают основных достоинств книги А. Поповского, являющейся итогом десятилетнего труда. Писатель ввел в литературу новый материал и новую тему—тему научного творчества. Реакционные писатели Запада провозглашают бессилие разума перед силами природы. Советская литература, в самых различных жанрах, утверждает могущество человеческого сознания, его творческую созидательную силу.

Александр Поповский. «Законы жизни», «Советский писатель», 1947 г., 627 стр.

Выдающийся поэт Эстонии

Книга избранных стихов Иоганнеса Барбаруса, подготовленная к печати самим автором незадолго до его смерти, отражает сложный творческий путь выдающегося эстонского поэта.

Иоганнес Барбарус начал писать на рубеже двадцатых годов нашего века. В начале своего литературного поприща поэт отдал известную дань чисто языковому экспериментаторству, но довольно быстро размежевался с теми, кто провозглашал художественную форму самоцелью.

Подобно раннему Маяковскому, Барбарус в своих стихах запечатлел картины и противоречия капиталистического города, с вдохновенной яростью выступил против буржуазных владык жизни, как страстный поборник прав трудового человека.

Чуткий поэт и сознательный гражданин, он видел резкий контраст между роскошью и нищетой в буржуазной Эстонии.

И улица новых несчастных выталкивает неустанно;
жизни фильм бредовый гнетет все сильней;
зреют крупные слезы в глазах матерей:
нет в грудях молока — под кофтою рваной.
И в груди, где юное сердце билось в былом,
ныне камень горящий, больной и тяжелый.
Дайте ж ей выплакаться в комнате, мрачной и голой,
пока роскошь в шубе медвежьей прет напролом!

В стихотворении «О жизни вокруг меня» поэт отчетливо видит в сутолоке города «два стана, два класса», «здесь — горстка господ, там — плебейская масса».

Барбарус был вдохновенным поэтом-агитатором, будившим революционное сознание народа. В стихотворении «Поэт у микрофона» он обращается к эстонцу-труженику:

Ты с семьей нуждой измаян?
Так пойми же: твой хозяин
сыт и празден потому,
что рабом ты стал ему!

Барбарус поднял голос против фашизма, протянул братскую руку республиканской Испании, выступал против антисоветской свистопляски эстонских реакционеров.

Жизненный опыт и чутье народного поэта подсказали Барбарусу, что единственный путь к счастью родного народа — революция, которую он ждал страстно, напряженно:

Дуй, ветер свободы, свеж и крылат...
все гнилье размети, все, что подло и низко:
цель революции—всемирная чистка!

В дни установления в Эстонии народной власти поэт волею своего народа был поставлен во главе советского правительства Эстонской республики. Годы советской власти в Эстонии и Отечественная война были большой политической школой для Барбаруса. Свободолюбивые мотивы его творчества получили партийное звучание. В дни войны он обращался к своему народу с горячими, патриотическими стихами. Когда Эстония подверглась вражеской оккупации, поэт нашел проникновенные, лирические слова для выражения народного горя. В дни победоносных боев Советской Армии он писал:

Жаждущим ртом твою воду я пью,
родина, из родника дорогого!
Вправду ль свободу я вижу твою,
вправду ль от зверя отбилась ты снова?
Братья к любимым приникли устам
жаждущим ртом на одно лишь мгновенье:
долг призывал их к суровым боям,
к новым сраженьям за освобожденье.

Творчество Барбаруса занимает почетное место в культуре эстонского народа, в нем ярко выражен суровый пафос революционной борьбы и страстная любовь к социалистической родине.

Иоганнес Барбарус занял по праву почетное место в кругу больших советских поэтов.

Ан. ВОЛКОВ

Иоганнес Барбарус. Избранные стихи. Перевод Г. Шенгели. Гослитиздат, Москва, 1947, 251 стр.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

НЕ ТЕМ ПУТЕМ

Не случайно имя автора стоит только на титуле этой книги и отсутствует на переплете. Ни издательству, ни А. Глобе не ясно, что за книгу они создали. Предисловие сборника сообщает читателю, что над его составлением поэт Андрей Глоба «работает больше двух десятилетий» и что он «**систематически** (подчеркнуто мною.— **С. Г.**) следит за песенным творчеством братских народов, отбирает наиболее ценное в идейном отношении, наиболее художественно полнозвучное...»

В послесловии А. Глоба прежде всего отмежевывается от той «кропотливо-этнографической точности, которая неизбежно вступает в спор с требованиями поэтического творчества» и утверждает право переводчика давать «более или менее приблизительное отражение оригинала в переводе».

Следовательно, этнографу эта книга не дает материала для изучения песенного творчества народов СССР. Ее нужно рассматривать, как хрестоматию, подобранную по личному вкусу автора.

Книга читается легко, с неослабевающим интересом. К достоинствам ее надо отнести то, что автор всюду стремится сохранить форму произведения, заботливо выписывая все рефрены, и даже снабжает книгу нотами к двум-трем десяткам песен.

Но какая система лежит в основе этой книги? В послесловии собирателя ни звука об этом не сказано. В нем Андрей Глоба только излагает свои взгляды на искусство перевода. Ни о какой «системе» в собирании и распределении материала он не говорит. Ее и на самом деле нет.

В книге собраны песни почти сорока народностей.

В ней представлены песни Украины, Молдавии, Белоруссии, всех прибалтийских республик, Кавказа, среднеазиатских республик, Якутии и Бурят-Монголии, башкир, чувашей и других народов Советского Союза. Но составитель слишком легко переезжает из республики в республику, из эпохи родового быта в наши дни.

Наибольшее место в книге отведено лирическим песням — колыбельным, свадебным и так далее. Песни Великой Отечественной войны А. Глоба собрал только на Украине. Из богатейшего белорусского материала взяты только две партизанские песни. На всем Кавказе, в Казахстане и во многих других республиках для сборника не нашлось ни одной песни.

Огромный золотой фонд народных песен о Сталине тоже представлен очень скупо.

Бессистемность отбора ясно обнаруживается, например, в туркменском разделе. А. Глоба выбрал шесть песен колыбельных, около тридцати любовных, две рабочих, одну комсомольскую и одну на тему Отечественной войны. Достаточно сравнить этот отбор с отбором песен в ашхабадском сборнике «Туркменское народное творчество», чтобы увидеть, как приглушена советская тематика в книге А. Глобы.

Внутри отделов, между старыми песнями — вплоть до мифологических — и советскими, тоже нет равновесия.

Принципиальные возражения вызывают и некоторые другие приемы в работе А. Глобы. Где предел владычеству переводчика над оригиналом? Трудно проверить все, включенное в книгу, но, проверив то, что доступно мне, я обнаружил некоторые «вольности» перевода.

В узбекских «лапар» (свадебная песня—А. Глоба почему-то не взял этот термин) читаем:

Зачем продал, отец,
Меня богачу?
Ер-ёр, меня богачу?
Почему не убил
Луну иль звезду?
Ер-ёр, луну иль звезду?

В этих строках есть обычный для народного творчества параллелизм. Но какой умудренный фольклорист поймет смысл этого параллелизма в переводе А. Глобы?

Вот точный перевод этого четверостишия:

Подстрелил отец звезду
В поднебесной высоте.
Ер-ёр.
Дочки в ней он не узнал —
Продал дочь свою отец.
Ер-ёр.

Еще пример из тех же свадебных песен:

Если вспомнишь меня,
Посади миндаль, —
Ер-ёр, посади миндаль.
Зацветет он — тебе
Меня станет жаль, —
Ер-ёр, меня станет жаль.

Так переводит Андрей Глоба.

А узбекский народ в этой песне поет:

Вместо дочери своей
Пусть посадит он миндаль.
Ер-ёр.
Ветер ветку сорвет, —
Станет дочери жаль.
Ер-ёр.

Если так переведены песни и других народов, нельзя поздравить ни автора, ни издательство, имевшее полную возможность проверки текстов.

Есть в этой книге и другие ошибки. Известное русскому, украинскому и белорусскому народам заклинание весны Андрей Глоба безоговорочно дарит белорусам. Простую перепечатку всем известного русского текста он считает переводом. И, кроме того, пропускает в этом заклинании важнейшую вторую строчку. Он печатает:

Юрий, вставай рано,
Выпускай росу
На теплое лето...

и т. д.

А все три народа поют:

Юрий, вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпускай росу...

и т. д.

В книге «Песни народов СССР» нет песен русского народа.

Потому что это книга переводов? Но в этой книге не только переводы. В ней есть и контаминации, т. е. сделанные автором сводки, сплетения и соединения песен. А раз есть контаминации, то почему лишать русский народ возможности хотя бы по этому узкому руслу проникнуть в книгу «Песен народов СССР»? Ведь контаминирует же Андрей Глоба две разные белорусские песни про кота и про кур? Только надо бережней относиться к каждому зернышку народной песни.

У А. Глобы куры прилетели и просят:

— Дайте нам горошку!
А хоть (?) кашки ложку!
Хоть горстку пшеницы!
Хоть ковшик водицы!

А в песне народной куры просят еды не себе, а ребенку. И просят они не только еды:

Иль горошку крошку,
Иль ячменьку жменьку,
Иль пуховую перинку,
Иль **счастливую годинку!**

Ну, как же можно потерять такую жемчужинку, как «счастливый часок» (годинка)!

Итак, никакой системы в книге нет. За близость переводов к оригиналу ручаться нельзя. Нельзя не заметить, что А. Глоба имел все данные для более счастливой «контаминации» своего таланта с талантами народов СССР.

Но слишком узкий принцип передачи «ритмического рисунка песни» и ее «фонетических особенностей», положенный собирателем в основу своего труда, при недостаточном внимании к тематическому плану не дал автору возможности добиться полного успеха в своей работе.

Над этой книгой надо еще много потрудиться, как она того и заслуживает.

Андрей Глоба. «Песни народов СССР». Государственное издательство художественной литературы. М. 1947 г. 815 стр.

Вера СМИРНОВА

Остерегайтесь подделки!

Сказка — одна из самых пленительных форм искусства, доступных детям с раннего возраста. Сила ее воздействия на детей огромна. Но именно поэтому с ней надо обращаться умеючи.

Рассказать ребенку сказку — как будто нехитрое дело. Каждый из нас помнит сказки, слышанные в детстве, и пересказывает их, как умеет, порой внося в них какие-то черты и детали современности, порой перекраивая их на новый лад, порой пытаясь сочинить новую — с современными героями и событиями.

Сказка, как форма устного народного творчества, продолжает жить и в наше время, она доступна всем и каждому. Эта общедоступность, кажущаяся легкость сказочной формы, воздействие ее на детей очень часто пленяют тех, кто пишет детские книги. Нет, кажется, ни одного детского писателя, который не пробовал бы написать сказку. Однако сказка на деле оказывается едва ли не самым трудным жанром современной детской литературы. Недаром даже существует мнение среди некоторых педагогов, будто она вообще устарела и не годится для воспитания советского ребенка. Правда, блестящим опровержением такого мнения являются произведения многих советских писателей. Широко известна большая работа А. Н. Толстого над русскими народными сказками. Замечательны уральские сказы П. Бажова. Своеобразны стихотворные сказки С. Маршака, «Мойдодыр» К. Чуковского. Интересно работает, как сказочник, в театре и в книге Е. Шварц. Совсем недавно порадовал нас своей «Кладовой солнца» старый волшебник слова М. Пришвин.

Новая сказка удается тому, кто, используя традиционные приемы сказки, умеет преодолевать ее шаблоны, ее старое содержание. Только в борьбе нового со старым и может родиться новая сказка. Там же, где писатель оказывается в плену старых (может быть, и великолепных и пленительных до сих пор) форм, образов, речевых особенностей, там неизбежна неудача. Мало того: такая псевдосовременная сказка обычно становится двойным искажением — и прошлого и современности.

В последнее время, уже после войны, в разных городах и республиках Советской страны вышло много сказок для детей. Причины неудач некоторых из них так типичны, что на них необходимо остановиться.

В Алма-Ата живет писатель М. Зверев. Он—зоолог, пишет для детей научно-популярные очерки, у него есть книги о животных Казахстана. М. Зверев знает и любит природу Казахстана, владеет интересным материалом для беседы с юным читателем. Но в поисках формы этого разговора с детьми Зверев соблазнился сказочной формой и написал «Сказки зверей»— книгу наивную и глубоко ошибочную. Вероятно, ему казалось, что в виде сказки легче и веселее преподнести детям сведения о жизни животных.

Но вот что у него получилось. Сказка называется «Американка». Автор, очевидно, хотел рассказать о том, как у нас на Балхаше стали разводить ондатру — особую породу водяных крыс, вывезенных из Америки, ценных своим мехом. В сказке же это выглядит так. Среди зверей, живущих около Балхаша, смятение. Сороки принесли новость: появились какие-то заморские звери. Водяные крысы прибежали жаловаться «повелителю» тигру, что пришельцы прогнали их с озера. Тигр требует, чтобы «иностранки» явились к нему. Из воды выходит «знатная американка», она «учтиво кланяется в пояс тигру» и рассказывает: «Наша родина—Северная Америка... нас там так много и шкурки у нас такие ценные, что в Америке мы вполне заменяем белок. Вот почему нас привезли в Советский Союз. Здесь тоже много озер и болот, где можно разводить только нас... Конечно, здешних водяных крыс мы попросим отсюда, какая от них польза, по сравнению с нами». Тигр подумал—и разрешил «американкам» поселиться на озере: «Раз так — живите, но смотрите у меня!» — рявкнул он. «Ондатра опять учтиво поклонилась в пояс тигру и скромно ушла в воду. **Никто не заметил, как она улыбнулась себе в усы. Американка прекрасно понимала, что тигр ничего не может сделать в воде—он ведь не подводная лодка».** (Подчеркнуто мною. — **В. С.**). В конце концов, всего через несколько лет не только местных водяных крыс, но и самого повелителя — тигра не стало на Балхаше.

Совершенно ясно, что, зная хорошо природу края, писатель совсем не знает природы сказки. Он не понимает, что звери в сказке — не те, что в лесу и на озере, что сказочные звери — замаскированные люди, что сказка — своеобразный шифр, за которым скрывается какая-то большая мысль, какое-то большое обобщение. «Сказка — ложь, да в ней намек — добрым молодцам урок». И вот невинный рассказик о разведении ондатры на Балхаше неожиданно превращается в совершенно нелепый пасквиль.

В другой своей сказке Зверев, не предполагая этого сам, издевается над таким же, как он, ученым. Звери справляют в лесу праздник весны, все веселятся, печалится только «синяя птица», потому что, по слухам, в лес должен притти зоолог, поймать ее и унести в алмаатинский зоопарк. Звери собираются на «Большой совет». Старого глухого сурка делают председателем, а лиса «села за секретаря рядом с ним» и «высморкала его нос вместо платка в свой хвост». Собрание (проведенное по всем правилам и явно пародирующее наши — человеческие — заседания) постановило повести решительную борьбу с зоологом и спасти от него синюю птицу. Совсем пропал бы перепуганный, затравленный зоолог, если б не образцово-показательные «юннаты из Алмаатинского дворца пионеров». «Да не бойтесь, — говорит ученому Володя: — ведь здесь Алма-Атинский государственный заповедник». Но ученый поспешно удаляется, передоверив свою исследовательскую работу «милым детям». Милые дети вступают в союз со зверями и находят выход, до которого не мог додуматься злополучный зоолог: заставляют синюю птицу снести яйца, которые и вручаются ученому с наставлением — положить их в инкубатор и вывести «своих» синих птиц, а лесную оставить в покое. Автор, ради мнимой развлекательности, высмеял перед юным читателем, в сущности, труд ученых и самого себя.

Эй, зоолог, где ты был?
Птицу синюю ловил,
Поймал черного дрозда —
Закружилась голова.

В самом деле, хочется спросить: где был зоолог, когда писал эту сказку?..

Еще хуже обстоит дело, когда автор слепо подражает старым сказочникам, в особенности, иностранным. Усваивая язык, терминологию, повторяя приемы старых чужих сказок, писатель часто, даже незаметно для самого себя, проникается и чуждой идеологией, становясь выразителем враждебных нам идей. Так, изданные в Крыму «Морские сказки» Н. Шагурина— пример самого неприкрытого, безудержного низкопоклонства.

В сказке «Двенадцать адмиралов и храбрый Джек» рассказывается об отважном английском матросе, победившем во время первой мировой войны немецкую подводную лодку. Храбрый Джек, спасшись с разбитого корабля, попадает в морской музей большого портового города, засыпает там, а ночью видит, как с портретов сходят двенадцать великих флотоводцев разных стран и во главе их, конечно, «капитан Трафальгар» — Нельсон. Есть среди них и русские — адмирал Ушаков, Петр Первый, Нахимов. Адмиралы садятся за стол, пьют «дымящийся грог» и задушевно беседуют. «Из разговора он (Джек) понял, что некоторые из капитанов скрещивали друг с другом свое оружие на морях. Но это время давно миновало. За столом сидели теперь славные учителя и достойные ученики. Здесь были русские и англичане, голландцы и французы, и каждый из них был беззаветно предан своей отчизне. Но у всех членов этого таинственного братства была еще **одна общая родина — море».** Следует панегирик Нельсону, знаменитому французскому корсару Жану Барту и прочим «морским братьям», причем оказывается, что адмирал Ушаков — по Шагурину — замечателен лишь тем, что «в одно время с Нельсоном бил Бонапарта». Адмиралы экзаменуют Джека и уверяются, что перед ними «настоящий моряк», а Джек рассказывает им о войне с Германией (действие происходит во время первой мировой войны) и жалуется, что британское адмиралтейство «недооценивает» подводные лодки немцев. Адмиралы берут шефство над храбрым Джеком, снабжают его оружием, советами, даже судном, пьют за его победу, а Нахимов, если верить автору, даже сказал Джеку: «будь севастопольцем». И отважный матрос, во славу Соединенного Королевства, героически сражается с германской подводной лодкой и побеждает ее.

Эти перлы политического недомыслия преподносятся советским детям, как новые советские сказки, и имеют хождение в Крыму, может быть, в самом Севастополе — городе-герое, овеянном славой русских моряков, советских моряков, подвиги которых чудесней всяких сказок! Вот к чему приводит рабское, некритическое следование зарубежным образцам.

Есть еще опасность для современного сказочника: отождествить героев старой сказки, пусть самых положительных и любимых, с героями современности. Писатель, который хочет создать новую героическую советскую сказку, должен искать новые характерные черты для ее героя. Вместо этого очень часто сказочники пытаются втиснуть нашу действительность в уже привычные сказочные шаблоны, превращают сказку в сухую аллегорию, лишают ее живых подробностей нашей жизни — и в результате этого искажают образ советского человека и жизнь, которую он творит.

Нечто подобное случилось с талантливой украинской поэтессой Наталией Забилой в сказке «Светолюб — народный богатырь».

Уже само по себе традиционное начало — «в одном царстве, в недалеком государстве» — заставляет насторожиться. И недаром. «Народный богатырь» Забилы, как во многих старых сказках, существует где-то в стороне от народа, отдельно от него. Он ходит по горам, по неизведанным просторам, все узнает, нет для него никаких тайн в мире. **А в** это время (очень примечательно это «а») в той большой стране живет бедный замученный народ. Народ приходит к Светолюбу за помощью. Светолюб отвечает: «Принесите мне все по капле воды ключевой—тогда я скажу, какая причина довела вас до беды». Опять характерно это «вас», вместо «нас», как сказал бы человек из народа. По совету Светолюба народ кует мечи и стрелы, но оружие получается у народа «ненадежное». Народ опять обращается к богатырю, и Светолюб соглашается помочь народу. «Ну, ладно», — говорит богатырь, кует себе славный меч и один на один сражается с великаном Громобоем.

Народ в сказке Забилы — жалкий и беспомощный. И хотя в конце сказки Светолюб открывает, что силу и мудрость дал ему народ в тех каплях воды и в тех угольках, которые собрал для богатыря, — но логика сказочного образа такова, что богатырь, как встарь, один освобождает народ, который бездействует и только страдает.

Обе же действующие, борющиеся силы в сказке Забилы отвлеченны, схематичны, «лица не имеют». Громобой даже имя свое позаимствовал у Жуковского. А в Светолюбе мы совсем не видим новых характерных черт современного народного богатыря.

Проблема современной сказки — один из важнейших и серьезнейших вопросов, над которыми должны задуматься наши детские писатели, критики и литературоведы. Создавая золотой фонд сказок народов СССР, всячески поощряя издание местных — краевых, областных сборников сказок, мы должны бороться со всеми попытками преподнести нашим детям под видом сказки отголоски старой, отжившей, чуждой идеологии.

Корни консерватизма

На заседании коллегии Министерства промышленности строительных материалов СССР

14 января «Литературная газета» выступила со статьей «Новаторы и консерваторы», в которой обличались консерватизм и рутина в работе зам. министра промышленности строительных материалов и начальника Главстройстекла тов. Потанина и главного инженера главка тов. Литваковского.

24 января в нашей газете были помещены письма главного инженера рижского стекольного завода «Красная Даугава» тов. Чередниченко и начальника цеха Мишеронского стекольного завода тов. Евсеева, подтверждавших неблагополучное положение в главке с внедрением новой техники.

28 января выступления «Литературной газеты» подверглись тщательному и всестороннему обсуждению на расширенном заседании коллегии Министерства промышленности строительных материалов под председательством министра тов. С. З. Гинзбурга.

Члены коллегии, за исключением разве тов. Потанина, были единодушны в оценке статьи. Они признали, что «Литературная газета» правильно поставила вопрос о борьбе за скоростные методы производства и разоблачила консерватизм руководителей Главстройстекла. В ходе обсуждения дискуссия о скоростях переросла в широкую дискуссию о технической политике главка в целом. Больше того: в процессе обсуждения статьи «Литературной газеты» на заседании коллегии со всей остротой был поставлен один из важнейших вопросов руководства промышленностью на данном этапе, вопрос о месте и роли руководителя в деле внедрения новой техники.

Ясна ли была задача руководителям главка? Да, она была ясна. В распоряжении тт. Потанина и Литваковского был составляющий эпоху в истории стекольной промышленности новый метод ускоренного вытягивания стекла, созданный тов. Чередниченко. Талантливый инженер **удвоил** скорости, т. е. удвоил на том же оборудовании выпуск стекла. Это была, без преувеличения, революция в стекольном производстве. Новая скорость, как подчеркнул министр тов. Гинзбург, — главное звено технического перевооружения стекольной промышленности. Скорость властно влечет за собой прогресс всех остальных элементов технологии стекольного производства.

В распоряжении тт. Потанина и Литваковского был тщательно и детально разработанный технический план на 1947 год, в котором было записано, что именно надо внедрить в промышленность.

Были ли люди для осуществления поставленной задачи?

Да, были! На заседании выступил зам. министра по кадрам тов. Надточий. Он сообщил коллегии, что стекольная промышленность значительно лучше других отраслей обеспечена командными кадрами — здесь работает много крупных и знающих хозяйственников, инженеров и мастеров, способных двинуть вперед новую технику.

Было ли достаточно власти у тт. Потанина и Литваковского, или, может быть, их излишне опекали, дергали, сковывали инициативу, не давали развернуться?

Нет, эти люди были вполне самостоятельны в их оперативной деятельности, никто не мешал их организаторской работе.

Итак, у тт. Потанина и Литваковского было все, чтобы двинуть вперед дело технического прогресса, чтобы внедрить новую технику, новую передовую технологию, чтобы распространить, сделать обязательным применение образцового примера работы рижского завода.

Чего же нехватило тт. Потанину и Литваковскому? В чем корни их провала? Нехватило понимания того, что нужно круто перестраиваться на работу по-новому, положив в основу требования партии о техническом прогрессе. Руководители главка «нажимали на план», а новой техникой не занимались. И провалились! Скандально провалились!

Это было органическим следствием непонимания ими той простой мысли, что грандиозные темпы послевоенной пятилетки, в частности огромное задание по стеклу, нельзя выполнить без самого решительного, самого смелого, самого широкого внедрения новой техники.

Участники обсуждения вопроса на заседании коллегии министерства—начальник планового отдела тов. Богуславский, начальник технического управления тов. Исидоров, известный новатор-стекольщик, лауреат Сталинской премии тов. Королев, инженер Эрландц, редактор газеты «Промышленность строительных материалов» тов. Казарцев, заместители министра тт. Митраков, Ермолаев, Надточий и Басилов, крупный знаток стекольного производства проф. Китайгородский и министр тов. Гинзбург с возмущением говорили о холодности, с которой главк встретил почин Чередниченко, о позорной безрукости, которую главк проявил в распространении метода новатора.

Руководство министерства в свое время высоко оценило начинание Чередниченко. Министр издал приказ, обязывающий главк внедрить новые скорости в первую очередь на трех заводах.

Что же главк? Он послал на заводы три бригады работников Института стекла и истратил на это дело 180.000 рублей. А скорости? Скорости на заводах остались прежние. У руководителей главка нехватило желания внедрить метод тов. Чередниченко хотя бы на этих трех заводах.

Потанин и Литваковский не нашли в себе мужества признать справедливость критики, не пошли ей навстречу, не помогли коллегии разобраться в положении дел.

Отношение тов. Потанина к критике достаточно ясно характеризуется следующим: когда газета «Промышленность строительных материалов» выступила в защиту новых скоростей, тов. Потанин не только не принял ее сигналы, но обиделся на критику и даже осмелился потребовать, чтобы статьи и заметки о работе стекольной промышленности представлялись ему на... просмотр.

Тов. Литваковский выступил перед коллегией с речью, которая, в конечном счете, свелась к тому, что скорости, дескать, не внедряются из-за сопротивления и консерватизма... инженеров и мастеров заводов. Это огульное охаивание заводских работников, как и позиция тов. Литваковского в целом были резко осуждены выступавшими.

В заключительном слове министр тов. Гинзбург заявил:

— Консерваторы должны будут перестроиться. Мы их заставим это сделать или мы от них освободимся.

Вопрос о массовом переходе к новым скоростям будет обсужден на предстоящей конференции работников стекольной промышленности.

И. ДНЕПРОВ.

Горе от... досрочного пуска

Опережая время, вступила в строй на год раньше срока первая очередь Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината имени С. М. Кирова.

В адрес строителей, монтажников, эксплоатационников посыпались поздравительные телеграммы. Но, к сожалению, на следующий день поздравители забыли о новорожденном детище. Окруженный лесами Кондопожский комбинат вот уж которую неделю простаивает из-за отсутствия балансов и топлива. Вначале работники лесной промышленности говорили бумажникам: «Вас нет в плане снабжения древесиной. Пуск комбината намечался в конце 1948 года. Тогда бы мы обеспечили вас сырьем. Ждите лета».

Но стахановцы Кондопоги не хотят ждать. Они хотят возможно скорее дать стране больше газетной бумаги. Потому-то они и восстановили первую очередь комбината досрочно! Такими же темпами восстанавливаются вторая и третья бумагоделательные машины. Руководителям комбината удалось добиться наряда на получение 212 вагонов древесины на январь. Уже январь прошел, а обещанных вагонов нет.

Ближайшему лесопункту выгоднее давать древесину другим, менее взыскательным потребителям, ибо Кондопога нуждается в добротном еловом балансе. Были случаи, когда работники Министерства лесной промышленности Карелии переадресовывали вагоны с лесом на другие предприятия, считая Кондопогу, вступившую в строй раньше срока, чем-то вроде... незаконнорожденного. Создается странное положение: бумажники все свои усилия направляют на досрочное выполнение пятилетки в четыре года, а работники смежных ведомств, видимо, считают, что успехи кондопожских строителей, досрочно выполняющих план, приносят им дополнительные хлопоты и беспокойства.

На комбинате часто вспоминают приезд тов. Г. М. Орлова. В бытность министром целлюлозно-бумажной промышленности тов. Орлов горячо поддерживал идею досрочного пуска комбината. Более того, он не раз заявлял, что будет «вечным другом Кондопоги». Немного времени прошло с тех пор, как были сказаны эти сердечные слова, ободрившие восстановителей Кондопожского комбината. Сегодня, когда возрожденная Кондопога простаивает из-за отсутствия древесины, хочется спросить министра лесной промышленности СССР тов. Орлова, — помнит ли он слова бывшего министра целлюлозно-бумажной промышленности тов. Орлова о Кондопоге?

Бригада Союза советских писателей и «Литературной газеты»:
Вс. АЗАРОВ, А. ДУНАЕВСКИЙ, М. МАРЕНКОВ.

КОНДОПОГА. (По телеграфу).

В Союзе советских писателей СССР

29 января в Доме литераторов открылось совещание, посвященное русской поэзии 1947 года. Совещание организовано секцией поэтов и секцией по теории литературы и критики. С докладом выступил А. Тарасенков. Затем началось обсуждение, которое было продолжено 30 января.

* * *

В секции очерка и публицистики состоялось обсуждение книги А. Карцева «Народ на трассе».

В обсуждении, шедшем под председательством М. Шагинян, приняли участие писатели и видные работники железнодорожного транспорта.

«Осторожно. Остерегайтесь туземцев!» Огромные надписи, предупреждающие об опасности как в заповеднике для хищных зверей, украшают территорию Южной Африки. Это фото служит красноречивой иллюстрацией к пылким речам представителей Южной Африки на Ассамблее Об'единенных Наций о мирном содружестве между белыми и туземцами.

„Откедова? Откуля?“

С такими потрясающими по своей поэтической красоте вопросами обращается князь Олег к Микуле Селяниновичу в поэме Дм. Петровского «Святослав». Художественное воплощение древней Руси в поэме Дм. Петровского настолько поражает читателя, что он, под влиянием автора забывая русский язык, может лишь воскликнуть: — Откедова? Откуля?.. появилось столь блестящее поэтическое полотно?

В поэме Дм. Петровского все — от человека до коня, от моря и до неба—поет, при этом поет «русскую» песню. Еще в предисловии автор дает свое программное определение песни:

Песнь — как обро́нено перо
Орла,
просвечивая оком,
Достойным кажется намеком
На то, каков орел народ,
Что песню древнюю поет.

В «Зачале» поэмы Дм. Петровский призывает всех братьев любить «песнь веков», а в главе «Вечная слава» дает, так сказать, философское определение песни:

Ты взвейся, песня,—мой кумир!
Коль нам дано пред темной глыбой
Загадкой темной стать веков,—
Без песни ясной как могли бы
Мы расковать утес веков.

Считая, что после этого читатель все же недостаточно убежден в значении песни, Дм. Петровский щедро пересыпает всю поэму такими «перлами»:

Я песней скифа чествую,
Вещаньем государствую,—

сообщает Дм. Петровский. А дальше песня перешла на бешеный галоп:

И песня почалась.
И песнь в смерть помчалась на добром коне...
И поднялась песнь
И конем в степь помчалась...
Мы вынимали волчий след;
Да с оборотней драли мех...
Мы волхвовали вольной песней...
И я,—нашед в степи подкову,—
Согнуть велю ее тому,
Кто б вновь ее приладил словом
И к вольной песне
И к коню...
На том коне я догоню
Вперед умчавшее вековье.
Прибью Ахиллову подкову
Вновь к быстроногому коню.
И стремя звякнет,
И, коню
Я в ухо гикнув,
Погоню.

Теперь уже читатель окончательно покорен силой песни, силой творчества Дм. Петровского. Теперь он уже не задает наивных вопросов, откуда появилось поразительное творение «Святослав». Перед читателем сам автор в облике скифа несется по степи с «песней», лихо гикает.

О чем же повествует Дм. Петровский? Он «поет» о скифском кургане, о бессмертии воина, о юности Руси, о Святославе, о Днепровой ладе, о свадьбе Святослава, на которой Микула «сплясал трепака», о «свадебной ночи Малуши», о «кресте и мече», а также о многих других делах давно минувших дней.

Можно оставить на совести автора круг его интересов. Однако совершенно невозможно обойти молчанием то поразительное невежество, то грубейшее извращение истории древней Руси, которое мы встречаем в поэме Дм. Петровского. Автор рисует лубочно-сусальную картину древней Руси, в которой нет классовых противоречий, нет эксплоатации, где князья воюют только за правду, а в затишье между войнами бражничают вместе с народом.

Пировали наши деды,
С князем бражили в одно,
Как простую пили воду,
Мед и хмельное вино.
С князем жили душа в душу
На днепровском берегу.

Автор проповедует давно отвергнутую наукой теорию варяжского происхождения русского государства. В книге читаем, что Рюрик стал княжить,

Обложивши песни данью (!)
Всех, кто в Руси хочет жить.

Дм. Петровский сообщает, что его не интересует, был ли Святослав варягом (викингом) или славянином, он всех приемлет и воспевает.

Ты викинг был
Иль был бы витязь,—
В тигровой шкуре
Иль в броне,
В челне ты шел
Иль на коне,—
Днепром я принял всех, как
Припять,—
И все слилось волной во мне.

Восхваляя варягов, автор, захлебываясь, живописует приход с «полночной Руси» в Киев несуществовавшего Русса.

С полночной Руси до Куяб
Вел Русс турусы, взяв топорик,
Как ветер, парус вел с ним я б!

Историческая безграмотность Дм. Петровского очевидна. Идейные основы его творения до крайности убоги и ошибочны. Три стихии, по автору, владеют миром: песня, любовь и смерть. Налет мистики и символизма лежит на всем произведении.

Вся эта вредная «поэтическая» мешанина на 176 страницах обнародована в 1947 г. издательством «Советский писатель». Нельзя ли защитить советского читателя, а вместе с ним и наших предков от «дикого посвиста» Дм. Петровского?

М. МОРОЗОВ

Дм. Петровский. «Святослав», «Советский писатель». 1947 г., 176 стр.

Высоко держать честь Московского университета!

Наша газета указывала, что на филологическом факультете Московского университета смелая большевистская критика и самокритика нередко подменяются безудержным славословием по адресу отдельных ученых, об'являемых «вне» всякой критики. Статьи «Литературной газеты» встретили живой отклик среди студентов и преподавателей университета. Так, в последнем номере газеты-многотиражки «Московский университет» напечатана статья тов. С. Галина «Высоко держать честь Московского университета!»

«Состояние дел на филологическом факультете, — пишет автор, — тревожит общественность университета... Факультет плетется в хвосте событий. Ни один принципиальный вопрос советского литературоведения и языкознания не был поднят по инициативе его ученых. А в тех случаях, когда такие вопросы поднимались с других трибун, наш филологический факультет выступал в роли защитника отсталых идей. На факультете об'явились апологеты буржуазной концепции Веселовского (профессор Поспелов), но не нашлось почти никого, кто бы с открытым забралом выступил с принципиальной критикой книги академика Виноградова «Русский язык». Обсуждение книги Виноградова превратилось в благодарственное молебствие, где усиленно открещивались от критики «Литературной газеты».

В заключение тов. С. Галин пишет: «Жрецы чистой науки» с филологического факультета, поклонники формалистики, повторяющие зады либеральной науки, — нет, это не Московский университет!

Слава Московского университета, основанного шагавшим впереди веков Ломоносовым, — высокая слава. Будем же дорожить его честью, смело и любовно подхватывая все новое и прогрессивное, все то, что делает советскую науку недосягаемой для буржуазных крохоборов!»

Остается пожелать, чтобы статья тов. С. Галина помогла развертыванию большевистской критики и самокритики и явилась бы началом широкого и принципиального обсуждения всей постановки идеологической работы на филологическом факультете Московского университета.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» В 1948 ГОДУ

Утвержден план издательства «Советский писатель» на 1948 год. В этом году издательство предполагает выпустить значительно больше книг, чем в 1947 году. Будет издано 240 книг общим тиражом около 6 миллионов экземпляров.

Советский читатель получит более сорока книг из библиотеки избранных произведений советской литературы. Среди них: «Хождение по мукам» А. Толстого, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Кочубей» А. Первенцева, стихи В. Маяковского, Д. Бедного, Н. Асеева, Э. Багрицкого, В. Лебедева-Кумача и др. Подготовлена к печати книга альманаха «Год 31-й». Вошедшие в него произведения посвящены темам послевоенной пятилетки. Среди новых книг — очерки Ю. Жукова «На Западе после войны», рисующие послевоенную Европу и Соединенные Штаты Америки.

Значительно расширяется издание литературы братских народов. Будет издано более 50 произведений лучших прозаиков и поэтов союзных республик. Среди них 2-я часть романа М. Ауэзова «Абай», романы: Айбека «Навои», Кербабаева «Решающий шаг» и В. Лациса «Буря».

Намечены к изданию сборники украинских, армянских, эстонских, латышских и литовских новелл, а также сборники произведений поэтов Литвы, Эстонии и Бурят-Монголии.

Ряд произведений русской классики войдет в большую и малую серии «Библиотеки поэта». Впервые предполагается издать отдельными сборниками очерки и рассказы М. Горького «По Союзу Советов».

По разделу литературоведения будут изданы монографии о М. Горьком, А. Толстом, М. Шолохове, Э. Багрицком. Высказывания М. Горького о литературе собраны в двухтомном сборнике «Вопросы литературы».

Советская быль и американские сказки

Геннадий ФИШ

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ:

Английский биолог Джулиан Гексли, вернувшись после поездки в СССР, напечатал клеветническую статью о том, будто бы работники Всесоюзного института растениеводства во время блокады Ленинграда с'ели уникальную мировую коллекцию семян.

На самом деле все было иначе. Часть научных работников ВИР'а пошла добровольно на фронт (Ф. Тетерев, А. Лусс, Н. Хорошайлов и другие), остальные, и среди них Е. Пальмова, создавшая многие знаменитые сорта пшениц, заведующий коллекцией пшениц М. Якубцинер и другие принялись готовить бесценные коллекции института к эвакуации в Красноуфимск.

Наконец, когда все было уложено, сотрудники с детьми и домочадцами, с баулами и чемоданами расселись по местам, и был подан сигнал к отправлению. Но поезд не прошел и нескольких десятков километров. Остановка. Немцы сначала разбомбили, а потом захватили Мгу. Путь на восток перерезан так же, как на юг и на запад. Было приказано возвращаться. Но поезд не дошел до Ленинграда. Вагоны были отцеплены и поставлены на запасный путь близ какого-то захудалого полустанка. Люди вышли из вагонов и пошли в город, а вагоны с драгоценным грузом больше года перегонялись с одной станции на другую. Ждали, что вот-вот откроются пути и можно будет проскочить на восток. И каждый раз, отыскивая свой груз в путанице развороченных взрывами путей и вагонов, научные работники ВИР'а несли около него непрерывную вахту.

В тот день, за час до того, как немцы захватили Мгу и отрезали Ленинград, проскочил под бомбежками прошедший через Будогощь последний поезд из Москвы. Москва посылала на помощь Ленинграду эшелон морской пехоты. И среди бойцов в этом эшелоне был один штатский без шапки, без вещевого мешка, без чемоданов, вскочивший в вагон в последнюю минуту перед отходом поезда из Москвы.

Это был уполномоченный президента Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина, доктор биологических наук И. И. Презент. Он ехал в Ленинград, чтобы помочь спасти бесценные коллекции, бесценных людей — научных работников.

Кто бы мог предположить, что в этом резком полемисте, как многим казалось, кабинетном ученом, таятся такая внимательность к людям, такие великолепные организационные способности, какие он проявил, став организатором эвакуации институтов Академии сельскохозяйственных наук? Ведь для этого нужно было обладать именно теми качествами, которые Джулиан Гексли мечтает вывести в будущем человечестве. Надо было обладать самозабвенной верностью долгу, безграничным альтруизмом, высоким чувством коллективности. Без всего этого разве можно было, получая «сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам», спотыкаясь и скользя по обледенелым улицам затемненного Ленинграда, дважды в день совершать путь от Исаакиевской площади, где помещается ВИР, до Смольного, где утверждались списки людей, подлежащих эвакуации, принимать участие в работах по сохранению коллекций и потом брести домой, в комнатку на улице Желябова, и там, склонившись над столиком, при тусклом, мигающем свете коптилки, согревая пальцы дыханием, писать книжку о лженаучной биологической основе расистских бредней фашистов *.

Город застыл в кольце блокады. Дорога жизни через Ладожское озеро еще только прокладывалась.

Пионеру заполярного земледелия, директору ВИР'а академику И. Г. Эйхфельду был предоставлен самолет, чтобы вылететь из осажденного города. Он отказался.

— Я уеду только тогда, когда будут эвакуированы все работники института,— сказал он. И разделив со своими сотрудниками все трудности и голодовку, эвакуировался из Ленинграда в последнюю очередь. А на предоставленный институту самолет погрузили точные каталоги-описания и историю всех образцов коллекций пшеницы, ржи, ячменя и овса,—эти огромные родословные книги, без которых бесценная коллекция превратилась бы в простое пищевое зерно. В самолет уселись сотрудники института Керим Мынбаев и Павлова, бережно охраняя ящички с образцами семян кок-сагыза.

Кок-сагыз — каучуконос — необходим нам в борьбе за независимость — экономическую и оборонную. И поэтому раньше всего решено было перебросить из осажденного города на Большую землю семена кок-сагыза и людей, работающих над ним. Эта работа не должна была прекращаться ни на один день.

В один из ящиков, погруженных в самолет, М. М. Якубцинер положил двадцатилистный свой труд «К познанию рода **triticum**» — свою сотую научную работу. Если что-нибудь случится с ним самим, думал он, пусть уцелеет хотя бы его диссертация.

Но случилось наоборот. Трижды видевший смерть в глаза, признанный «безнадежным» и снятый с поезда на станции Волхов, М. М. Якубцинер остался жить, а единственной потерей улетевших в тот осенний промозглый нелётный день был именно тот ящик, в который он упрятал свою рукопись.

В Ленинграде с каждым днем становилось все голоднее и холоднее. Дома не отапливались, в залах и рабочих кабинетах ВИР'а было так же холодно, как на улицах. Работники института несли противопожарную вахту на крышах, тушили зажигалки, сброшенные вражеской авиацией. Звенели, рассыпаясь от взрывов, стекла, приходилось забивать окна фанерой, и в комнатах теперь даже днем было темно.

Академика И. Г. Эйхфельда тревожила мысль — вдруг не зажигалка, а фугасная бомба будет сброшена на институт. И когда с той же тревогой однажды утром пришел к нему Якубцинер, было решено снова разделить надвое все образцы коллекций и спрятать их здесь же во дворце, в помещении, прикрытом маршами непробиваемых каменных лестниц.

Надо было в полутемном помещении, в холоде, когда казалось, что выплеснутая из стакана вода звякнет о пол ледышкой, разбирать негнущимися пальцами и по зернышкам раскладывать сокровища института. Это была живая география. Зерно разбирали по странам и по сортам.

Вот Греция... Вспоминалась героическая борьба греческих патриотов против фашизма. Вот Испания, — мягкая пшеница с севера, твердая пшеница Андалузии, пшеница Валенсии, эммер из Астурии, древняя однозернянка Ла-Манчи, хлеб из которой вкушал когда-то рыцарь печального образа Дон-Кихот.

Вот Абиссиния... На нее первую обрушился фашизм. Этот бешеный разлив, мутные волны которого с шумом разбиваются теперь о каменный мол ленинградской защиты. Абиссинское зерно! Будто черным дождем омыты пшеничные поля вокруг Аддис-Абебы. «Синдитукура»—черным злаком называют ее в Эфиопии.

А ячмень там багровый. Издали посевы ячменя можно принять за маковые поля.

— С каким бы наслаждением я с'ела ячменный хлебец! — мечтательно говорит Е. Капустина, забыв, что разговоры о еде здесь строго запрещены...

— Зачем такая экзотика — абиссинский ячмень! Разве может быть что-нибудь лучше русского пшеничного хлеба,— убежденно заявляет «королева пшеницы» Евдокия Федоровна Пальмова.

— И в самом деле,—подхватывает Якубцинер, он рад перевести разговор с еды на другую тему. — Разве не считается наша пшеница лучшей в мире? Разве точно не установлено, что пшеница нашего юго-востока содержит 21 процент белка против 13 процентов в пшеницах западных стран!

И он подымает палец. — А, во-вторых, —но он не успевает сказать, что именно во-вторых, потому что раздается пронзительный вопль сирены, возвещающей воздушную тревогу.

И выглянув через маленькую форточку, проделанную в закрытом фанерой окне, он видит пирамиду из мешков с песком, под которыми скрыт чугунный всадник, высоко вверху сумрачный купол Исаакия, прикрытый камуфляжем, и пустую площадь перед «Асторией».

3. О картофеле, зашитом в комбинезоне, и о дороге жизни.

К тому времени, когда были разобраны все ящики, рассортированы и разделены коллекции на две части, Презент принес сообщение о том, что начинается эвакуация и что работники институтов Академии с.-х. наук им. Ленина будут отправлены в первую очередь. Это было 13 января 1942 года. Презент с трудом передвигал ноги и был так бледен, что даже привыкший к дистрофикам Якубцинер перепугался.

В комнате стояло несколько ящичков с неколлекционными зернами, предназначенными для учебных целей. Якубцинер снял их с полки и поставил на стол.

— Возьмите немного и подкрепитесь,— сказал он.—Это не коллекционное зерно, а учебное. Оно не представляет особой ценности.

Но Презент решительно отказался.

— Нет, — сказал он. — Нельзя трогать ни одного зернышка. Стоит только начать, и за учебными зернами пойдут и все остальные.

И тут же был написан приказ, по которому комнаты, где хранилась коллекция, опечатывались, и входить в них поодиночке категорически воспрещалось. Ключи же хранились в сейфе у К. А. Пантелеевой, которая оставалась заведывать филиалом.

Потом был издан приказ о порядке эвакуации, по которому разрешалось брать с собой только рюкзак с вещами. Так как было неизвестно, какой путь придется пройти по зимней дороге, и люди истомлены, приказ обязывал всех, а особенно тех, у кого были дети, брать с собой маленькие санки. Без них, — гласил приказ,— никто не будет взят! Эта предусмотрительность спасла почти всех эвакуированных детей. Никакого лишнего груза! Нельзя думать, конечно, о подушках, но так как людям надо спать в дороге, и так как у многих, особенно у тех, кто ушел из Пушкина налегке, не было теплой одежды, приказ рекомендовал сшить комбинезоны, а в качестве подкладки, или вернее, прокладки, употребить пух из перин и подушек. И тепло, и мягко спать! Это был странный, ни на что непохожий наряд. Подушки у Якубцинера были не пуховые, а набитые перьями. И острия этих перьев пробивались и вылезали отовсюду через простыню, из которой ему сшили комбинезон. Друзья его иначе теперь не называли, как «шантеклер».

Старший научный сотрудник Вознесенская и кандидат наук Лехнович оставались в Ленинграде. Специалисты по картофелю, они сейчас больше всего были озабочены судьбой своих коллекций. Если семена злаков можно без проращивания спокойно сохранять два-три года, то чтобы картофель не погиб, его нужно проращивать ежегодно. Будет ли возможность сажать его весной в Ленинграде, неизвестно. И поэтому необходимо все, что можно, переправить на Большую землю. Но, к несчастью, семена картофеля—клубни— самые тяжелые семена. Их было много сортов — и выведенных здесь, и собранных со всего света. Вес их достигал нескольких тонн. Было решено зашить в комбинезон по одному клубню, чтобы не было большой «контрабандной» нагрузки и чтобы спасти хоть малую часть лучших ракоустойчивых образцов. Так и сделали. Тщательно просматривали каждый клубень и предпочтение отдавали тем, на которых больше глазков.

(Продолжение следует)

Продолжение. Начало см. № 8.

* Рукопись эта, принятая к печати, погибла в сгоревшем при бомбежке наборном цехе Печатного двора.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: А. БАУЛИН, В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем—К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 3-37-34.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—01111